

A complex collage-style illustration. At the top, a woman's face is shown in profile, wearing a black mask and a large, dark, pointed hat. Her hand is raised, holding a lit cigarette. Below this, a hand in a white glove holds a red fabric. In the center, a hand in a white glove holds a cigarette. To the left, a hand in a white glove holds a cigarette. In the background, a building with a large dome and arched windows is visible. The overall style is graphic and artistic, with a mix of black, white, and red colors.

ЭЛЕОНОРА ХИТАРОВА

ЛЮБИТЬ КЕАНУ

Элеонора Хитарова

Любить Кеану

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21974376

Аннотация

Карина работает ассистентом модного дизайнера итальянца. Ее жизнь кажется приятной и легкой. Она окружена необычными людьми, вхожа в блестящий мир моды, любима друзьями. Однако никому не известно, что каждую минуту Карина борется с могущественным внутренним врагом. Болезнь, которая управляет ее эмоциями, мыслями и поступками, не властна лишь над ее сердцем. В нем безраздельно царствует отчаянная и преданная любовь к голливудскому актеру. Зачем нужна такая любовь, граничащая с одержимостью? На что она может сподвигнуть женщину? Грозит ли она безнадежно разбитым сердцем или обещает силу и надежду? Ответы на эти вопросы героиня ищет в своей жизни.

Посвящается Кеану Ривзу и всем поклонникам кого бы то ни было, а также всем женщинам, неважно, больным или здоровым, главное – влюбленным и любящим.

1.

– Ну, давай! Еще! Еще чуть– чуть! Сильнее, напрягись! – От натуги у меня потемнело в глазах. Но я сделала еще рывок. Изо всех сил. Голова медленно кружилась. Колени ломило. Я устала, но была готова на все, чтобы, наконец, покончить с этой пыткой. Музыка уже было не слышать: стук моего сердца заглушил бы даже ультразвуковой самолет, что уж говорить о «Депеш Мод». – Ну, там осталось еще немного! Будь хорошей девочкой! Не ленись! Давай! Ну, ради Кеану! – Этот голос убивал меня, но я беспрекословно подчинилась. Какое отношение к этому может иметь Кеану?

Спустя мгновение, стало понятно, что очередной рывок, вопреки моим надеждам, вовсе не оказался последним, и я, зажав всю волю в кулак, продолжала. В ушах зазвенело.

Господи, да что же это я делаю с собой!!!

XXX

Спустя час, я, осторожно придерживаясь руками за сырые, шероховатые стены, спускалась по скользкой лестнице в подвал видеопроката. Голова все еще кружилась немного.

Я знаю, что если и дальше так пойдет, то с головой еще и не такое случится! Но это знание вряд ли бы что-то изменило в моей жизни.

– О, привет! – С недавних пор здесь меня знали все продавцы видеодисков. – Что возьмешь сегодня? Опять что-нибудь с Кеану Ривзом? – Этот белесый тип, по имени Томас, колынул меня насмешливым взглядом, принимая из моих рук диск с фильмом «Дар». Черт, как же не хочется отдавать его!

– Н-ну, у нас... с мужем, вроде ретроспективы... – я всегда запинаясь, когда лгала, – мы смотрим... все с Кеану Ривзом...

– Угу, – хмыкнул он, – уже по десятому разу! – И тут же отвернулся к полкам, забитым дисками.

Какое ему-то дело, козлу!

– Потом будем смотреть все фильмы с ... – кого бы назвать, – Бенедиктом Камбэрбэтчем! – Для чего я вечно оправдываюсь? ДЛЯ ЧЕГО?

– Да уж, «Шерлока» смотреть – не пересмотреть! – Томас скользил кривым указательным пальцем по корешкам дисков. Сверху вниз, с полки на полку. Он чувствовал, как я сверлила взглядом его спину. Если честно, я ненавидела его за то, что он догадывался о моем секрете!

Томас: «Вот же больная баба. Фанатка хренова. Она уже все пересмотрела. Блин. Что бы ей всучить?»

– Эй, а не хочешь, к примеру, «Властелина Колец»? Классный фильм, между прочим! Взял одиннадцать Оскаров! Отменное качество!

– Нет! – Какого черта он спрашивает? Он же знает, что мне нужно!

– А! Вот! «Наблюдатель»! Видела? Неплохое кино. Как раз, Кеану Ривз в главной роли. Маньяка играет.

Я смотрела этот фильм 8 раз! Я знала этот фильм наизусть. Это был мой любимый фильм. В роли маньяка Дэвида Гриффина Кеану совершенно неотразим. Это был самый сексапильный, самый вожделенный маньяк на Земле! Чего бы только я не отдала, чтобы быть умерщвленной его руками!

– О! Не знаю! Давай сюда! – Воскликнула я.

Томас: «Слава Богу! Она заберет эту ерунду! Что за фигню смотрят эти больные телки. Смотрели бы лучше эротику... сексу учились!»

– Отличное кино! Тебе понравится. Не слыхала, что там еще новенького вышло с Ривзом? – Он воззрился на меня, так фальшиво играя интерес, что Кеану, наверное, плюнул ему в лицо, если бы увидел!

– Много чего! – Выпала я, но тут же осеклась. – Я,

вообще-то не знаю... что-то вроде «Любовь по правилам и без», ... и еще, вроде, какой-то фильм. Называется, по-моему, «Константи...нополь» или «Константайн», но я не уверена, ... — я не хотела, чтобы весь персонал проката знал о моей осведомленности в отношении кино-кеану-новостей.

Томас кивнул. Снова по его лицу скользнула мерзкая, насмешливая улыбочка. Я торопливо отдала ему деньги и убежала из проката.

XXX

Жаль, на обложке не было его лица. Его невыносимо божественного лица. Только силуэт. Невыносимо совершенный силуэт. И удавка. О-о, с каким бы удовольствием я сунула бы голову в его удавку! И покончить с этим!

Я села в машину. Диск я небрежно кинула на сиденье рядом с собой. Интересно, для кого я притворяюсь, когда делаю вид, что невзначай кидаю его фотографии так, чтобы всегда видеть их?

Хотелось есть. За окном часто крапал мелкий, весенний дождь, дворники мельтешили перед глазами, смахивая воду с лобового стекла. Сизое, свинцовое небо тяжело давило мне на виски.

Мне надо было заехать в супермаркет, о чем я тут же со-

общила себе вслух, перекрикивая радио. Интересно, я обращалась к себе или

к силуэту Кеану, с удавкой, на обложке диска?

Затрещал телефон. Я начала торопливо шарить в сумке одной рукой, в попытке выудить скользкую трубку, но в моей торбе, как всегда, невозможно было что-то разыскать!

Я и не заметила, как чудом проскочила оживленный перекресток на красный свет.

– Алло! – Ненавижу разговаривать по телефону, когда я за рулем!

– Эй, привет! – Это звонила Клара, моя подруга, – я только что видела твою машину! Ты не в супермаркет?

– Туда!

– Тогда встретимся у касс! Есть новости!

Клара любила перемыть всем кости. Она могла поведать всем обо всех, во всех подробностях. Удивительно, но обо мне она обычно не болтала. Или я просто была плохо осведомлена.

Именно Клара позвонила мне тогда, несколько месяцев назад, и предложила сходить с ней в кино.

Весь город валом валил на последнюю часть «Матрицы». Очереди в кинотеатрах выстраивались немислимые, и билеты на вечерние сеансы покупались за несколько дней вперед.

Я не стала отказываться от приглашения, хотя не смот-

рела двух предыдущих серий. Информация об этом фильме нескончаемым потоком лилась с последних страниц всех газет: новая теория мира, Бог – архитектор, летающий хакер-Мессия – все это мало меня интересовало.

Мне неплохо жилось и в обыкновенном мире, где Бог – это Бог без всяких условностей, а хакеры сидят за компьютерами, вместо того, чтобы расчерчивать своими силуэтами вечернее небо.

Однако я не отказалась. Надо же было сказать завтра коллегам, что «И Я ТОЖЕ СМОТРЕЛА»!

Это было моей роковой ошибкой! Или неизбежной случайностью. А, может, и судьбой! Такое ведь тоже возможно!

– Возможно и такое, ведь что все мы знаем о судьбе?!

В тот вечер я специально ничего не ела: готовилась приговорить самое большое картонное ведро попкорна.

С первой минуты фильма я поняла, что трачу время зря, ибо не понимаю ровным счетом ничего. Абсолютно. Какие-то штуки летали, железки грохотали, все было серо-зеленым и беспрестанно взрывалось. Кукуруза, правда, была отменная.

И тут в кадре появился он: Летающий Хакер-Мессия! Человек – Бог с совершенной внешностью и самыми выразительными глазами из всех, что я видела. В этот миг со мной

произошло нечто, чего еще не случалось никогда.

– *Помнишь ли ты, что почувствовала тогда?*

Я отчетливо помню, что почувствовала тогда: пустоту.

Внутри меня вдруг сделалось очень пусто и горячо. Я замерла с раскрытым ртом, я прекратила жевать. По-моему, я даже забыла, как дышать. А он все летал, бился под проливным дождем с целой ордой одинаковых противников и совершал по подвигу на каждый метр киноплёнки. А в моей голове неслись мысли о том, как и зачем я могла жить все эти годы, не замечая, что Он существует! Как я могла раньше игнорировать это идеальное Божье творенье?! Как я могла не смотреть предыдущие части «Матрицы» и все остальное, где мог бы появиться Он?!

Клара: «В кино у меня было одно желание: заткнуть себе уши, чтобы бесконечные взрывы всего подряд прекратили травмировать мои барабанные перепонки! Нео, главный персонаж, несомненно, был хорош, но он большую часть фильма бродил на ощупь, потому что какой-то идиот выжег ему глаза, – пожалуй, самую красивую часть его лица. От спецэффектов захватывало дух, но смысла всего этого повествования я так и не поняла. Может, конечно, философия фильма была слишком мудрена. Этого я уж не знаю, да и размышлять у меня не было никакого желания, но в один прекрас-

ный момент я вдруг повернулась в сторону Карины и... поняла, что вечер прошел не зря!

Моя бедная подруга, не мигая, таращилась в экран. Рот ее был разинут. Она автоматически продолжала забрасывать в него хлопья кукурузы, но те сыпались мимо, и к концу фильма ее сумочка, что лежала у нее на коленях, была погребена под пышным белым сугробом. Ничего более забавного я в жизни не видела! Жаль, что со мной не было фотоаппарата! Вышел бы кадр!»

Зал полностью опустел, когда Кларе удалось растормошить меня: я впала в глубокий ступор и только глупо хихикала, волочась за ней к выходу. Перед моими глазами все еще стояли его сурово нахмуренные брови, экзотические, раскосые глаза, горящие решимостью спасти всех и вся, и необычайно чувственный рот.

Если вы никогда не влюблялись в звезд, то знаете ли вы, что такое любить звезду?

КЕАНУ... Ке-а-ну... Ке-е-е-а-а-ану-у-у... Кеану Ри-и-и-ивз...

Я могла повторять это имя постоянно, про себя и вслух, снова и снова.

У его персонажей было много красивых имен, но его соб-

ственное имя «КЕАНУ» звучало заморской дивной музыкой в моем сознании. Как пение легкого бриза над бескрайними океанскими просторами, как шелест курчавой ночной волны. Ке-е-а-а-а-ну-у-у...

Это было самое красивое имя из всех, что мне доводилось слышать. Надо же, как ему повезло иметь такое!

XXX

Мне пришлось оставить свои блаженно-болезненные воспоминания: парковка у супермаркета была забита битком. Я долго кружила вокруг исполинского вместилища калорий, в поисках просвета, куда можно было бы втиснуть мой маленький автомобиль. Но кто ищет, тот всегда найдет, так что скоро я уже приветствовала высоченную, сухощавую Клару, которая стояла у одной из касс и нервно постукивала кошельком о ручки пустой тележки для продуктов.

– Мария влюбилась! – с ходу провозгласила Клара. Вид у нее был мрачный. Как если бы Мария умерла. Или, в лучшем случае, неизлечимо заболела.

– О-о-о! Да ну. Опять? – наигранно заинтересовалась я; мне-то, на самом деле, не было до этого совершенно никакого дела, – и в кого?

– Черт его знает! Пока известно только, что его зовут Тод!

– Тод?! – Такое глупое имя!

– Да, и в воскресенье у них первое свидание! Она так пе-

реживает, просто ужас!

– Воскресенье? Странный день для свиданий. Но если человека зовут Тод, то что же еще от него ожидать?

– Ой, и не говори, – отмахнулась Клара, – но ты же знаешь Марию!

Конечно, я знала Марию. Она не состояла в числе моих подружек, но была чрезвычайно знаменита тем, что каждые два дня влюблялась и страшно переживала перед первыми свиданиями, которыми, впрочем, все ее романы и оканчивались. Возможно, что как раз из-за ее чрезмерных переживаний!

Так, стоп! А что мне нужно в магазине?

Я глянула в свою тележку: обезжиренный йогурт, три апельсина, яблоки, какие-то овощи. Овсянка. Отлично.

– *И что тогда случилось?*

И тут мне чертовски захотелось пиццы! Я кинула в тележку одну, самую маленькую. Но что такое одна маленькая, замороженная пицца? Следом полетели еще две, самые большие. А еще две коробки сливочного мороженого, шоколадный торт, три пакета чипсов, банка ванильного крема.

– Ты ждешь гостей? – Клара проводила недоуменным взглядом последние приобретения.

– Вроде того, – солгала я, – я...мама должна заехать. На чай.

– Понятно.

– Я еще хочу купить жареную курицу. Здесь их отлично жарят! – При одном воспоминании у меня потекли слюнки.

– Курицу? К чаю? Странное чаепитие.

Сколько раз я говорила себе: Не ходи в супермаркет на голодный желудок!

Вот, опять на то, что мне не надо, я потратила в три раза больше денег, чем на то, что надо! Как с этим бороться?!

– На самом деле, бороться с этим ты не могла. Подобные мысли приходили тебе в голову каждый раз, когда ты попадала в магазин. А случилось это регулярно? Почти каждый день. Так что, трата денег на ненужные продукты давно превратилось у тебя в дурную привычку, не так ли? Как и еще кое-что.

– А где свидание? – Наверняка Клара знала и это.

– В «Бонд Кафе». В восемь вечера. Она так волнуется, идиотка! И знаешь, какая ее главная проблема? Ей, как всегда, нечего надеть!

– Ну, это в порядке вещей.

– Да, в порядке...

– Какая нормальная женщина может с легкостью решить,

что ей надеть, тем более, на первое свидание? Любой нормальной женщине всегда нечего надеть, и это все знают.

Мы молчали, пока закидывали пакеты с продуктами в машину. Потом Клара махнула рукой и заявила с мрачной обреченностью:

– У нее и на этот раз ничего не получится. Из-за своего волнения она вечно теряется и ведет себя как последняя дура, все два часа, пока ее новенькие ухажеры способны это выносить. Потом все, как один сбегает. Ну, а ты бы не сбегала, если бы была мужчиной? Ну, ладно, все. Мне пора. На маникюр еще надо. Созвонимся. Может, увидимся попозже.

Я уже завела машину, когда вдруг вспомнила, что не купила еды для Нельсона. Я чертыхнулась: мне ничего не оставалось, кроме как вернуться в магазин.

Я стремглав неслась между рядами с продуктами: главное не смотреть по сторонам, а то увижу еще что-нибудь, что мне «совершенно необходимо»! Цветные пачки с кошачьей едой служили мне мишенью, а я сама в эту секунду чувствовала себя самонаводящейся торпедой.

Как вдруг, что-то остановило меня. Будто пригвоздило к полу.

Боковым зрением я увидела что-то, что было мне совершенно необходимо!

Слева от меня громоздились полки с газетами и глянце-

выми журналами.

С обложки одного из них, что криво мостился между «Новостями в мире газонокосилок» и «Новейшими деньгами», на меня сосредоточено смотрел он. Просто он. На меня. Я даже невольно поправила волосы, как если бы он действительно видел меня.

Я метнулась к журналу с такой скоростью, будто кто-то гнался за мной, чтобы отнять.

Итак, счастье переполнило меня. Блаженная улыбка тянула мой рот во все стороны: с переднего пассажирского сиденья на меня смотрело лицо Кеану. Для полного счастья не хватало только всего остального, что обычно прилагается к лицу. Но нехватка того самого остального, как раз, является одной из характерных черт любви к звезде.

Соблазн просмотреть журнал был слишком велик! Я остановила машину в одном из укромных переулков и взяла журнал в руки.

На его лицо можно было глядеть часами. Ласкать глазами каждую линию, каждую родинку, каждую морщинку, представлять, как он улыбается, сердится, грустит.

Любовь к звезде – странная штука! Призрачная и фантазийная, она существует только в твоём воображении. Она не является физической субстанцией, но при этом заставляет ощущать вполне реальные эмоции, вполне земные страдания и очень ощутимую физическую боль. В душе, разумеет-

ся. Вот и думай потом, по каким принципам создается наша реальность, если нереальные вещи, срастаясь с нею, воплощают в ней реальные явления. Объективная нереальность и субъективная данность, максимально приближенная к жизненным условиям!

О чем это я?

Я одарила глянцевого лица Кеану самой обворожительной из своих улыбок и отправилась домой.

На протяжении всего пути он не сводил с меня глаз.

Какое счастье, что я обнаружила его между новостями в мире газонокосилок!

XXX

Удобно устроившись на диване, мы с Нельсоном ужинали вместе. И смотрели телевизор.

Рыжий, толстый пройдоха Нельсон, прикончив свои хрустящие подушечки, теперь сыто облизывался и мостился у меня в ногах. Рокот его мурлыканья заглушал выкрики рэпперов, которые размахивали длинными руками с телеэкрана, а толстые, крепкие лапки кота разминали диван вымеренными движениями профессионального массажиста.

– Нельсон! Ты наелся, котяра?

Кот глянул на меня, прищурился изумрудными, прозрачными глазами. Он вроде даже кивнул. Но тут же демонстративно от-

вернулся, свернулся в клубок и пару раз хлопнул хвостом, в знак полного нежелания общаться.

– Ну и ладно! Подумаешь, адмирал.

Мои руки устали держать пустую тарелку, но идти на кухню было откровенно лень. Я была вполне довольна собой: мой ужин полностью соответствовал растиражированным канонам здорового питания: куриное крыло, салат. Ни мало, ни много. Ничего лишнего. Я поставила тарелку на журнальный столик и уставилась в экран.

– Прекрасно! И что же произошло потом?

Прошло пятнадцать минут, перед тем, как я почувствовала привычный дискомфорт: я все еще была голодна. Очень голодна. Мне хотелось есть, пожалуй, даже сильнее, чем до ужина.

Ну что тут такого, говорила я сама себе. Съем еще кусочек и сразу, не теряя времени, все очень быстро решу. Если – сразу, не теряя времени, тогда легко и без проблем! Ну, почему бы нет? Я все равно уже много съела. На ночь. Какая теперь разница? Хочется же! А ведь есть еще пицца! Да, я совсем о ней забыла! И мороженое...

В животе моем что-то булькнуло, и цыплячье крыло в моем желудке вдруг так отяжелело, что мне даже сделалось трудно слезть с дивана. При этом голод становился невыносимым.

Без туалета мне уже не обойтись, в любом случае, – убеждала я себя. Но, одновременно, внутри себя я ощущала слабое сопротивление.

И заговорил голос.

Во мне в такие моменты всегда говорил голос.

«А как насчет гастрита, язвы, раковой опухоли, дорогая? А что ты чувствуешь, когда темнеет в глазах? Да и вообще! Не стоит этого делать! Хватит мучить себя!»

Я не страдаю шизофренией и раздвоением личности. Голос, который говорит со мной – мой собственный. Должно быть, это голос разума.

– *Скорее, страха...*

Пожалуй. Но было поздно сопротивляться. Я уже знала, что в моих разумных уговорах не было проку. Я чувствовала, как пища отягощала мой желудок, и это мешало мне. Очень сильно, невероятно сильно мешало. Я просто не смогла бы заснуть, если бы оставила все как есть.

Очиститься придется, – думала я. – но ведь я съела так мало! Какой смысл насиловать себя из-за одного куриного крыла? Надо же как-то оправдать свои муки. Так что же, теперь у меня возник повод набить себе брюхо? Да, этот повод возникает всегда, и всегда один и тот же: муки неизбежны, но должны быть оправданы. Ну, я не буду слишком переедать. Я чуть-чуть. Злоупотреблять не буду, только голод

уютолю. А то, правда, мучиться потом... Уже так поздно.

Я слезла с дивана. На столике, естественно обложкой вверх, лежал тот самый журнал. Я мгновение любовалась глазами Кеану, а потом быстро перевернула его лицом вниз. Я не любила, когда за мной наблюдали в такие моменты.

– *На самом деле, тебе было просто стыдно.*

Стыдно. Наверное, мне было стыдно. Стыдно перед лицом Кеану на обложке журнала, на моем столике. Как деревянному Пиноккио перед говорящим Сверчком. Глупо как-то сравнивать Кеану со Сверчком. Да и лгу я обычно только себе.

Мое «не злоупотребление» заключалось в следующем:

Две пиццы, еще половина курицы, огромная банка мороженого, четыре банана с ванильным кремом и сливками, четыре шоколадных пирожных со сливочным кремом.

Бог мой! Единственный вопрос, который всегда будоражил мое сознание в моменты поглощения, был следующим:

Куда все это влезает?!!!

– *Ты хоть раз пыталась поставить себя на место своих внутренностей? Представить свой желудок изнутри?*

Я каждый раз пыталась представить свой желудок изнутри, и единственной картинкой, которая появлялась в мо-

ем воображении в таких случаях, был мышонок Джерри из диснеевского мультфильма, где он проглатывал апельсин и делался совершенно круглым. Должно быть, я тоже внутри полностью состою из желудка!

Я ела, нет, прошу прощения, я пожирала все это с огромной скоростью. Забрасывая еду внутрь руками, словно лопатами и заливая литрами сладкой газировки. Чем больше жидкости, тем потом легче.

Если разобраться, то я не ощущала вкуса всей этой пищи. Мне было важно поскорее забить тот безграничный космос, который находился внизу пищевода.

Нельсон время от времени поднимал голову и бросал на меня презрительные взгляды. По его мнению, мне должно было быть стыдно за свои поступки. Но разве же я стала бы учитывать мнение какого-то кота!

Как правило, на последних кусках мне все-таки становилось стыдно и жаль себя. Я чувствовала себя залепленной жиром, скользким, вонючим и мерзким. Мне хотелось плакать оттого, что последующую, неотвратимую экзекуцию можно было только оттянуть, но никак не избежать. Пытаюсь отсрочить поход в туалет, я замирала на диване, боясь пошевелиться, так как мне казалось, что одно неловкое движение, – и мой желудок лопнет, как воздушный шар.

Вот тогда я начинала раскаиваться.

Взирая на гору грязных тарелок, я ненавидела себя и спрашивала: Зачем? Зачем и сегодня опять?

Как беременная, поддерживая свой огромный, выпирающий живот, сгибаясь в три погибели от невероятной тяжести и громко кряхтя, я медленно сползла с дивана.

Я как-то слышала, что в старину какой-то писатель или философ, который страдал ожорством, умер оттого, что у него лопнул желудок. По-моему, со мной сейчас случится то же самое! Интересно, сколько дней пройдет, пока в квартире обнаружат мою фаршированную тушку?

После того, как все закончилось в очередной раз, я в очередной раз давала себе клятву начать новую жизнь и не делать этого больше никогда!

2.

Звон будильника проник в мое сознание как обычно, ровно в шесть. Я сделала над собой нечеловеческое усилие и открыла глаза. Какое-то время я с ненавистью глядела на будильник, желая раздавить его мощью своего взгляда. Пожалуй, будильник – самая ненавидимая вещь на свете. Назовите мне хоть одного человека, который любил бы будильник! Незавидная участь. Тем хуже, ведь на деле будильники творят лишь добро, помогая нам быть более дисциплинированными и не опаздывать.

Еще не рассвело. Я долго сидела в постели, изо всех сил стараясь не поддаться соблазну вновь опрокинуться на подушку. У меня горели ладони и ступни. Не знаю почему, но так происходило всякий раз, когда я вставала рано. Что бы

это значило? Да, медицина оставляет еще много вопросов!

Нельсон недовольно ворчал у меня за спиной. Он тоже ненавидел будильник.

Наконец, я нашла в себе силы оторвать зад от постели и, шаркая тапочками по полу, побрела в ванную.

В зеркале опять не было видно моих глаз. Ладони распухли. Я скинула ночную сорочку, и невольно отпрянула от зеркала: оно слишком безжалостно демонстрировало мне мое тощее тело с впалой обвислой грудью, дрябловатые бедра, проваленный живот. Я повернулась к зеркалу одним боком, потом другим, в надежде, что с какой-то стороны мое тело будет выглядеть неплохо – но журнальной картинке видно не было, хоть тресни.

Я с досадой отвернулась и полезла в душ.

– *Так бывало всегда или только наутро после приступов?*

Мои утра почти всегда наступали после приступов.

В восемь, я была уже на рабочем месте.

Джулиан еще не приехал, но подготовка к съемкам шла полным ходом. По нашей студии сновали визажисты, декораторы и осветители, в центре устанавливали подиум из фанеры, раскрашенной в золотой цвет, все галдели, пили кофе и перешучивались.

Минут через пятнадцать, словно бабочки, в студию нача-

ли слетаться модели. Джулиан, мой начальник, дизайнер и фотохудожник, сам делал сегодня фотосъемку собственно-ручно созданной одежды для рекламы фирмы, на которую мы оба работали. Вернее, он – на нее, а я – на него. Фирма, как вы понимаете, шила созданную Джулианом одежду. Очень, кстати, красивую одежду. И весьма дорогую. Я со своей зарплатой ассистента, смогла бы безболезненно потянуть только одно платье в полгода. Но этой проблемы для меня не существовало: раз увидев, как эти платья сидят на моделях, я ни за что не стала бы позориться и натягивать их на себя.

Они были такие молоденькие. Их заспанные лица были свежи, словно ландыши, бархатные щечки алели, как лепестки роз, огромные глаза влажной росой поблескивали из-под полуопущенных ресниц. Настоящие цветы, а не женщины. Я с трудом подавила завистливый вздох, украдкой наблюдая за их грациозными походками, плавными, жеманными жестами, еще не напыженными улыбками.

Такие физически совершенные. Если бы я была одной из них, мои шансы на благосклонность Кеану, наверняка, автоматически увеличились бы. А так...

Я уже была готова впасть в утреннее уныние, как вдруг мне вспомнилась одна обнадеживающая мысль, найденная мною в каком-то дамском журнале: не всегда можно привлечь человека с помощью прекрасных ног!

Лично для меня эта мысль означала, что наверняка, звез-

де Кеану Ривзу, который перевидал на своем веку всяких красавиц, давно уже было мало только лишь физической привлекательности. Чтобы заинтриговать его, надо быть еще и привлекательной духовно. Многогранной, необычной. Может быть, просто сердечной и искренней.

Я утешилась этой мыслью. Наверняка, так оно и есть!

Красивых людей на свете невероятно много, но далеко не каждый из них так же прекрасен и внутри. И часто можно встретить ничем не примечательного внешне человека, энергетике и обаянию которого просто невозможно противостоять. И с этим сложно спорить.

– Чао!

Я вздрогнула: Джулиан тряхнул меня за плечо.

– Чао, синьорина. Ты уснула, дитя мое?!

– Нет, нет! – Мне стало неловко перед собой за свои мысли. И перед ним, не знаю, за что.

– Привет, как дела? – Джулиан начал деловито устанавливать фотокамеру перед подиумом, скользя придирчивым взглядом по лицам моделей, которых в этот момент гримировали.

– Как всегда. Хорошо.

– Что нового слышно про принца Сиддхартху? – Он обернулся и подмигнул.

Джулиан Руффи был посвящен в мои душевные терзання.

Загорелый и роскошный, гей – эстет, чей стиль я считала эталоном, этот северный итальянец, идеально подтянутый в свои сорок шесть лет, был всегда спокоен и имел прищуренный взгляд зеленоглазого кота.

Он никогда не подтрунивал надо мной. По крайней мере, в лицо.

Он, будучи снобом высшей квалификации, хорошо понимал, как губительно для простых смертных может быть созерцание чужого совершенства.

Джулиан: «Она славная. Она хороший помощник. Она какая-то хрупкая, по-своему, даже красивая, хотя в ней совершенно нет шика. С ней хочется обращаться бережно. Ах, Карина, безнадежно влюбленная Карина...

Мне было жаль ее, ибо страстно поклоняясь актеру, она уже ставила себя на ступень ниже своего кумира, немо провозглашая его патрицием, а себя – плебейкой. Она благоговела перед ним, словно перед божеством! Что ж, возможно, такое отношение он вполне заслужил: он же сыграл бога, как минимум, дважды. Его принц Сиддхартха, впоследствии – Будда Проснувшийся, обладал красотой не человеческого создания, но истинного божества. Такую красоту нельзя возжелать, перед такой красотой следует возвышенно трепетать, и ей следует поклоняться. Об этом не грех помечтать. Иногда Карина забредала так далеко в свои мечты, что совер-

шенно забывала и об окружающем мире, и о своих обязанностях. Но я старался быть к ней снисходительным, так как считаю, что любовь к звездам закономерна. Человечество не может обходиться без богов от искусства. А боги должны оставаться богами для своих идолопоклонников, но при этом не забывать о том, что на самом деле они все равно остаются простыми смертными. Рабами единого бога, чье имя «Искусство»! Но для того, чтобы культ искусства оставался вечным, всегда должны существовать те, кому поклоняются и те, кто поклоняется. Иначе, искусство теряет свой смысл. А ведь искусство так прекрасно! Я тоже всегда служил искусству и считаю себя его добровольным и счастливым рабом».

Джулиан, в свою очередь, сам не отказывал себе в удовольствии созерцать все прекрасное и, кстати, временами с наслаждением созерцал того же Кеану в кино. И в своем компьютере, где среди фотографий прочих звезд и персонажей, имелись снимки как возвышенно прекрасного принца Сиддхартхи, так и юного, вполне земного, голого и чертовски соблазнительного Ривза, которые он скачал с Интернета как-то, бессонной ночью.

Об этом он, правда, мало кому рассказывал.

Съемки начались еще через полчаса.

Я беспрерывно кляла себя за рассеянность: каждый раз, когда Джулиан отдавал мне распоряжение, я не могла рас-

слышать его с первого раза.

Как ассистент, сегодня я была просто ноль без палочки! Я винила во всем громкую музыку и слепящие вспышки фотокамеры, но причина заключалась в другом: я никак не могла отвлечься от мыслей о Нем, своем недостижимом возлюбленном.

В конце концов, Джулиан не выдержал. Он оторвал лицо от фотокамеры, резко выпрямился и, метнув из глаз молнии прямо в меня, прошипел, сопровождая свое шипение размашистой жестикуляцией:

– Принчепесса! А ну-ка, быстро соберись! Немедленно, черт подери! Почему ты постоянно думаешь только о нем?! Прекрати думать только о нем! Оставь своего Кеану хоть на минуту в покое! Займись работой, наконец! Мама миа! Мама миа! Ну почему именно он?! – Он всплеснул руками и снова уткнулся лицом в камеру, все еще бормоча под нос: «Мама миа! Мама миа!»

– А ты когда-нибудь спрашивала себя, почему именно он?

Почему именно он...на первых порах я только и делала, что задавала себе именно этот, по сути, риторический вопрос: Почему именно он?

Я часами пристально вглядывалась в его лицо, и все пыталась разобраться, что в нем было такого особенного?

Да, спору нет, он бесподобно красив, но дело ведь не только в этом: на свете миллионы красивых мужчин. Гораздо красивее его, в том числе. Здесь я лукавлю, так как считаю его самым красивым мужчиной на Земле.

Да, он обладает мощной харизмой, щедро сдобренной колдовскими чарами его мистических персонажей. Но харизма не такое уж уникальное явление, она встречается и у далеких от голливудского Олимпа личностей. Я же не влюбляюсь в каждого встречного поперечного красавца с харизмой!

Что же было в нем такого уникального, что вызвало во мне тот самый роковой импульс, который привел в движение все химические реакции и физические процессы, в комплексе именуемые «любовь»?

Некоторые говорят, что люди выбирают себе зазнобу по запаху: якобы, если чей-то истинный запах, что скрыт под многими слоями духов, крема для бритья, дезодоранта и всего прочего, понравится моим потайным рецепторам, то я немедленно получаю сигнал: «Внимание! Внимание! ОН!» И тут же влюбляюсь.

Но, позвольте, у меня никогда не было шанса понюхать Кеану Ривза и сомневаюсь, что таковой представится когда-нибудь!

– Ты можешь быть совершенно уверена, что если бы увидела его, понюхала его, и даже поговорила с ним, то

непрерывно получила бы такой сигнал?

Вообще, интересно, по какому принципу наше сердце выбирает себе

тот самый, единственный в своем роде осколок, который затем с мазохистским удовольствием вонзает глубоко внутрь себя, и тормозит его там, и загоняет все глубже, и стонет от беспрестанных уколов, и долгое время даже не пытается хоть как-то залечить кровавые раны.

Почему одна женщина млеет лишь от вида какого-нибудь инженера или ветеринара, а другой подавай кинозвезду или музыканта, или известного политика?

Я уверена, что на месте Ривза мог быть кто-то еще, и вместо того чтобы мучительно бормотать себе под нос «Кеа-а-ану, Кеа-а-ану», я могла бы в полной мере наслаждаться распеванием какого-нибудь «Джо-о-он», «Дэ-э-эвид» или «Га-а-ар-ри-и-и»...

– Я задал тебе вопрос...

Но случилось именно так, что в качестве стрелы Купидона мое сердце избрало себе застывшую в пяти буквах песнь гавайского бриза, загадочное и похожее на цветок имя человека с множеством примерянных лиц и стремительно прожитых судеб...

– Ты избегаешь ответа?

Я могла бы дать руку на отсечение, что совершенно уверена в том, что получила бы не просто сигнал! Заголосил бы весь микро и макрокосмос!

Почему именно он...сейчас это уже не имеет никакого значения.

– Тогда скажи мне, что обычно происходило с твоей болезнью, когда ты была на работе?

На работе о голоде некогда было думать. Об обжорстве уж тем более. Я была слишком занята. На работе я не ела ничего, только пила кофе. Не было времени.

Но, несмотря на свою загруженность, я все равно умудрилась не концентрироваться на работе полностью, а хранить доминирующей мысль о Кеану в моем мозгу.

Это так странно – просматривать эскизы, а думать о нем, писать отчеты – и тоже думать о нем. Бегать из цеха в студию и обратно, с ворохом дорогой экспериментальной одежды в руках, но при этом, все равно продолжать думать о нем.

Могу ли я сформулировать, что именно я думала? Пожалуй, нет. Это было все равно, что постоянно видеть черты его лица сквозь завесу повседневных забот. Так видят раду-гу сквозь дымку тающих туч, сразу после грозы.

В один прекрасный день, мы всей студией отмечали день рождения

одного из манекенщиков-фаворитов Джулиана. На импровизированной вечеринке присутствовали секретари, швеи, помощники дизайнеров, много разного народа, были также манекенщицы, ну куда уж без них.

После третьего бокала Кьянти на пустой желудок, я, как на грех, разговорилась с одной из них, восемнадцатилетней Мариеллой. Моя беда заключалась в том, что после определенного количества ничего не значащих реплик, я неизбежно скатывалась на разговор о Кеану Ривзе. Согласитесь, о чем же еще мне разговаривать с чужими людьми? Не о желудке же моем, в самом деле!

Кстати, интересно, сколько их, этих жеманных тонконогих фей, страдали тем же недугом что и я? Думаю, каждая четвертая, в лучшем случае. Интересно, сколько из них хотели бы это с кем-нибудь обсудить, найти какую-то поддержку? Думаю, все. Но ни одна, ни при каких обстоятельствах, не осмелится заговорить о своем обжорстве публично! Ведь это то же самое, что при всем честном народе сознаться в пристрастии к наркотикам, только еще омерзительнее и позорнее. И совсем совсем не модно!

Так вот. Сначала мы кратко обсудили «Матрицу», потом речь пошла о Нео. Я была уже пьяна. И черт меня дернул восхвалять его вслух! Мало я восхваляю его про себя? Идиотка, я даже прослезилась от трепетного восторга.

Мариэлла долго молчала, не прерывала меня. На лице ее отражалась этакая жалостливая снисходительность, которой

она аккуратно прикрыла непонимание и отсутствие интереса. Будто я была пациенткой клиники для недоразвитых, а она, совершая акт доброй воли, пришла эту клинику навестить, из вежливости спросить мое имя, участливо погладить меня по голове и подарить мне конфетку.

Когда я осознала это, было слишком поздно: я выложила ей все, как на духу!

Она с трудом сдерживала смех, ибо эта восемнадцатилетняя нимфа досконально знала, что и кто ей нужен, и в этом длинном списке надобностей не было места звездам далеким: только те, до которых можно дотянуться рукой, и которые способны материально оправдать ее труд протягивания руки.

Мариелла: «Ну, вообще! Я думала, что она, ну, нормальная, а она, ну, дура полная по жизни! Нет, ну это вообще – она влюбилась в Нео, нормально? В Не-о! Полный бред! Где вообще ее мозги?»

– Слушай, Карина! – авторитетно заявила Мариелла, стоило мне закрыть свой неуправляемый рот и смахнуть с глаз благоговейные слезки. – Я, в общем, не понимаю. Ты влюбилась в Нео или в актера, который был там за него? Ты определись. Потому что Нео, в общем, он чувак, конечно, конкретный, но его же нет! Он ненастоящий. А актер этот, как его там...

– Кеану Ривз.

– Да, – она мотнула уложенной шевелюрой и часто замигала, – точно, Кеану Дрибз! Он, вообще, тип обычный. Он, блин, богатый, конечно!

Мариелла не сдержала завистливого вздоха. Она замолчала на мгновение, раздумывая, вероятно, над тем, как недурно было бы дотянуться рукой до его богатства.

– Какая разница, богатый он или нет! Он же просто супер! Идеал! – Господи, я-то что мелю!

Мариелла снова поглядела на меня с жалостью:

– Нет! Фигня! Это Нео идеал! Такие герои вроде Человека Паука в кино даже никогда не едят. А актер этот, ... Дрибз...

– Да не Дрибз, а Ривз!

– Да, я знаю! Он, в общем, такой же, как все! И еще и старый. Ты прикинь, у него ноги, там, потеют! Или сопли, например, тоже текут. Они у всех текут, когда холодно! И вообще, он, может, храпит по ночам. А, прикинь, у него случится понос. Идеал, блин! Ха-ха-ха! – Мариелла запрокинула голову, хохоча безудержно и очень звонко.

– Ну, а что тут такого... – неуверенно сказала я, – он же человек...

Мне хотелось ее стукнуть! Да, я и без нее прекрасно осознавала, что он человек, как и все, из плоти и крови! Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но, простите, до таких вещей, как выделения из носа или интенсивность работы потовых желез, мои возвышенные мысли никогда не

опускались!

И не бывает у него никакого расстройства желудка! У него, наверняка, какая-нибудь особенная диета!

– О ком это вы тут? – внезапно встрял в наш диалог модель с претенциозным псевдонимом Донни Стардаст, смуглый красавец с длинными кудрявыми волосами, которым позавидовала бы любая девушка.

Его я знала очень хорошо, потому что вот уже полгода как он каждую неделю просил меня передать Джулиану весточку о том, что сердце Донни безудержно страдает от любви к нему.

Почему Донни стеснялся сказать это непосредственно Джулиану, я стеснялась узнать. Я только исправно передавала душещипательные послания от Донни Джулиану, которые Донни трогательно нацарапывал почерком прилежного первоклассника на пропитанной духами бумаге. Но Джулиан Руффи оставался бесстрастным, как карандаши, которыми он рисовал эскизы платьев.

– О Кеану Др..Ривзе! – с издевкой усмехнулась Мариелла и глянула на меня.

– А-а, – с пониманием кивнул Донни, – он красавец. Но мне жаль беднягу: после роли этого Нео все теперь решили, что он действительно летает по ночам и намеревается спасти мир. Объявили его антихристом и еще, Бог знает, кем. И все ждут, пока его отвезут в психушку с манией величия. Муж-

ку теперь придется всю жизнь отмываться от этого Нео. И еще двадцать лет играть в фильмах простых небритых парней, чтобы доказать всем, что он нормальный, что у него потеют подмышки, как у всех, и заставить фанатов забыть про чудо-Нео, у которого даже щетина на лице не росла!

– И еще он не ел! – Мариелла очень гордилась тонко подмеченной деталью.

– Нет, по-моему, он ел! – Донни сосредоточенно нахмурил ухоженные брови.

– Не ел! – взвизгнула Мариелла.

– Ел!

– Какая разница! – махнула рукой я и быстро отошла от них, иначе я бы точно не удержалась и врезала бы обоим за их мерзкие разговоры.

Пусть Донни еще попросит меня что-нибудь Джулиану передать! Я ему быстро напомню про потеющие подмышки и не растущую щетину! И про антихриста вспомню тоже!

Я взяла с фуршетного стола новый бокал вина и оглянулась: Мариелла и Донни все еще спорили, ел Нео в «Матрице» или не ел.

XXX

Дома меня начало тошнить буквально с порога: нет, я ничего не успела съесть. Успела выпить, правда, полторы бу-

тылки вина. И два стакана виски сверху налила в желудок. Ему не понравилось. А кому бы понравилось?

Это было ужасно. Гораздо ужаснее, чем обычно. Одно дело, когда ты суешь два пальца в рот по болезни, по собственной воле, из вредной привычки, из мазохизма. Тогда ты отвечаешь за то, что делаешь, и в какой-то момент, после нескончаемой череды рвотных позывов, когда пальцы уже целиком проникают чуть ли не в пищевод, гортань душит кашель, в глазах начинают мельтешить цветные кляксы, а колени мелко трястись, ты можешь приказать себе остановиться. Потому что понимаешь, что внутри тебя уже не осталось ненавистой тебе пищи, что это просто рефлекс.

Другое дело, когда процесс неуправляем. Когда ты не в состоянии контролировать, когда это начнется и в какое мгновение закончится. Когда единственное, о чем ты мечтаешь – это немедленно принять горизонтальное положение, а сама вынуждена стоять, согнувшись в три погибели над унитазом и не имея возможности даже выпрямиться, так как каждое твое движение вызывает новый приступ тошноты.

И вино, само по себе, ужасная вещь. Терпкий, ароматный напиток, проведя в желудке некоторое время, превращается в зловонный яд, в едкую черную кислоту, которая, исторгаясь, сжигает пути, по которым устремляется наружу.

Мне отвратительно и больно отплевываться от него, и горло мое потом жжет так, что я даже не могу говорить какое-то время. Только кашляю.

Я помню, как сижу на холодном полу, рядом с унитазом, держусь за горло, молчу, с трудом сглатываю и думаю о злокачественных опухолях. Мне чудится, что в голове перекачивается свинцовый шар, размером с яблоко. Он катается по моему мозгу тяжеломерно, и череп медленно раскачивается в такт его движению, меняя местами пол и потолок.

Вокруг меня суетится Нельсон. Он понимает, что мне плохо и тревожно мяукает, трогает мою руку лапкой, заглядывает мне в глаза, словно спрашивает, чем он может помочь. Этот кот любит меня.

Из последних сил я доползла до постели и мгновенно заснула. Просто выключилась.

Я открыла глаза. Часы показывали три часа ночи. В голове гудело, горло продолжало мерзко саднить. Заснуть мне больше не удалось. Благо, завтра была суббота. Интересно, до чего доведет меня мое обжорство? До рака? До сумасшествия? Или до самоубийства? Сколько можно уже, в конце концов. На кого я становлюсь похожей? На скотину без толики самосознания. На безвольную тварь. Что бы я сказала своему любимому Кеану? Что я – заикленная на своем теле обжора? Не так уж и красиво мое тело, чтобы таким образом о нем печься. Сколько лет еще мне надо потратить, стоя лицом в унитаз, чтобы это понять?

Я ворочалась с боку на бок. Я вдруг обнаружила, что все мое тело представляло собой туго сжатый ком. Я умоляла свои мышцы расслабиться, но ни единый мускул даже не

дрогнул. Я с трудом сглатывала, ощущая, как жгучая боль скатывалась от гортани к пищеводу. Наконец, мне удалось разжать кулаки. Ногти оставили глубокие, беловатые следы на ладонях.

Интересно, я одна такая самоликвидаторша, или в мире есть еще кто-то?

Мне внезапно представилось, как вся планета вмиг опустела, и я стою одна посреди бескрайних зеленых лугов, голубых озер, где на тысячи километров нет ни единой живой души кроме меня. Нет ни щебета птиц, ни рыка зверей, только пустое шептание ветра в зеленой траве.

Сделалось невыразимо страшно. Так страшно, что захотелось кричать. Мне немедленно нужно было удостовериться в том, что я не одна на этой земле.

Я порывисто вытянула руку и нащупала выключатель ночника. Выключатель громко щелкнул. В освещенной, до мельчайших подробностей известной моим глазам комнате, сразу сделалось легче. Нельсон с недовольством покосился на ночник. Его глаза блеснули в тусклом свете лампы. Мерное урчание кота немного успокоило меня. Я поднялась с кровати, сунула ноги в тапочки и нетвердой походкой побрела на кухню.

Выпитый залпом стакан ледяной воды сделал жжение в горле острее, но зато привел нервы в порядок.

Одинокое светящееся окно в доме напротив, которое поймал в темноте мой мимолетный взгляд, полностью удостове-

рило меня в том, что на свете точно есть еще хотя бы один живой человек.

Я откинула занавеску, и какое-то время глядела на желтый прямоугольник прямо напротив моих глаз. Я вдруг представила, что за занавеской того освещенного окна стоит Кеану и, в свою очередь, глядит на мое, тоже светлое от электричества окно. Теперь перспектива внезапного опустошения Земли показалась мне весьма даже привлекательной: только двое на весь этот прекрасный мир!

Кеану и я.

Эта фантазия так взволновала меня, что ни о каком сне теперь не могла идти речь. К сожалению, силуэт Кеану появился в моем воображении, но вовсе не в том окне.

И все же. Есть ли еще кто-нибудь на всей земле, такой же, как я? Мне не понадобилось много времени, чтобы понять, каким образом получить ответ на свой вопрос.

На соединение с интернетом ушли какие-то жалкие секунды, и вскоре весь мир был в моем распоряжении. Как некая книга мудростей, он был раскрыт передо мной. Я должна была только задать свой вопрос.

И это внезапно оказалось гораздо сложнее, чем я ожидала. Прошло, пожалуй, минут десять, пока я собралась с духом и напечатала это слово: «булимия». Внутри меня все замерло, томительные мгновения ожидания длились невыносимо долго.

Тем не менее, страница со списком результатов поиска

развернулась как-то неожиданно.

– *И что, ты оказалась одна на всей Земле?*

Бог мой! Стоило мне проскользнуть глазами строку отчета о результатах поиска, как у меня похолодел затылок, и кончики пальцев онемели. Я перечитала строку заново:

«По Вашему запросу найдено **Сайтов – 1765, документов – 17 745**»!!!

Семнадцать тысяч семьсот сорок пять!!! И я что-то говорила о том, что была одна на всей Земле?!!!

Сразу за отчетом начинался просто бесконечный перечень всевозможных источников информации. От научных статей, коих было явное меньшинство, до ссылок на сомнительные сайты, содержавшие сплетни о звездах, якобы страдающих от «булимии».

XXX

«Булимия», в переводе с греческого языка, означает: «бычий голод»!

Бычий голод... Отвратительно!

Честно признаться, я ожидала многого. Но к тому, что я обнаружила, я все-таки оказалась не готова.

Щелкнув на первую попавшуюся ссылку, я неким странным образом, в мгновение ока оказалась внутри другого ми-

ра.

Какого-то жуткого мира, словно скопированного со сценария самого кошмарного из всех триллеров, что я видела за всю свою жизнь. Это был мир извращенной жестокости, изощреннейших мук, на которые только способен человеческий разум, безотчетного садизма, доведенного до его самых уродливых форм.

И этот мир был тем ужаснее, что он жил, он был реален. Он не являлся плодом чудес компьютерной графики или воспаленного воображения писателя-извращенца, через бумажные листы удовлетворяющего свои скрытые пороки. Этот виртуальный Аид наполнялся звуками страданий настоящих, а не выдуманных женщин. Сотен женщин, тысяч женщин.

Надежда в этом мире отчаяния теплилась лишь едва, она тлела в каждой строке череды посланий, слишком слабая, чтобы разгореться и слишком сильная, чтобы вовсе погаснуть.

И самое страшное заключалось в том, что я оказалась частью этого жуткого мира, это был и мой мир, я пребывала в самом его эпицентре. Я встретила свой персональный ад, от которого мне было теперь не скрыться.

В этих виртуальных мирадах зеркал самым правдивым образом отражались все мои чувства, все мои терзания, все мое ежедневное самобичевание.

Я будто бы слышала женские голоса, которые озвучивали

мне мои же мысли.

Как их оказалось неожиданно много! Как **нас** много! Кого среди нас только не было: модели, актрисы, телеведущие, домохозяйки и журналистки, даже психологи. Они не называли своих имен, скрывая их под масками компьютерных кличек, но почти все упоминали о своей профессии и своем возрасте: 30 лет, 25, 15, 40, 17! Одинокие и замужние, любимые и покинутые, благополучные и бедствующие. У всех были разные причины: у кого-то развод, у кого-то несчастная любовь, кто-то просто хотел похудеть.

Я внезапно вспомнила, как начала сама: как-то, в незапамятные времена, будучи толстой и гонимой всеми девочкой, я, готовая на все в отчаянных попытках принять форму модной манекенщицы, прослышала об одной актрисе, которая за обедом не отказывала себе ни в чем, а потом бодро совершала походы в туалет. Ее пример показался мне достаточно убедительным, чтобы попробовать последовать ему. У меня получилось. Весьма успешно. Только о результатах такой «диеты» я услышала слишком поздно: несчастная актриса скончалась, едва отметив свое тридцатилетие.

Чтение бесчисленных признаний затягивало меня все сильнее и сильнее, воображаемые женские голоса в моем мозгу звучали все громче, у них появлялись интонации и оттенки, они словно бы все обращались ко мне, притаившейся у своего компьютера.

«Я не жвачное двуногое, не свиноматка на убой, я – чело-

век, я красивая женщина! Спасите меня!» «Врачи не в силах помочь нам. Они не знают, что это за болезнь и что с ней делать!»»

Здесь мы все были едины.

Здесь мы кричали только об одном: «Я в отчаянии!» «Есть хоть кто-нибудь излечившийся, помогите!» «Я схожу с ума! Что мне делать?» «Больше так не могу! Помогите!» «Я не хочу делать это! Я не могу ничего поделать с собой!» «Мне больно! Мне страшно!» «Мне стыдно!» «Только здесь, только вам я могу рассказать о своей беде! Ведь это так позорно!»»

Знаете, булимия ведь сродни изнасилованию: тебе больно и плохо, но ты с насильником один на один, ты никому не осмеливаешься рассказать о том, что с тобой случилось, потому что это мерзко и стыдно, и ты боишься, что все отвернутся от тебя, начнут презирать тебя и брезговать тобой.

Родственники принимаются стыдить и порицать тебя за твою блажь и глупость, как будто бы для тебя это злорадная игра, с единственной целью всех их позлить и поиграть на их нервах. Другьям ты этого вообще ни за что не расскажешь, потому что ни один, ни единый, даже самый лучший друг не сможет понять того, что чувствуешь ты, если сам не страдает тем же. Не сможет и не захочет понять и тогда не сможет помочь, даже если сильно захочет. Потому что даже большинство врачей, действительно, вовсе не знают такого

слова: «булимия», а если кто и знает, то сразу же начинает ухмыляться и глумиться над тобой: «Ах, так ты обжора! Ну, ничего, принцесса Диана тоже обжиралась!»

Какое несчастье, что принцесса погибла, иначе такие как я, спросили бы у нее, как с этим бороться!

Знаете, каково это, каждый день совать себе пальцы в рот до тех пор, пока перед глазами не поплывут черные пятна, и не начнет мерещиться, что еще чуть-чуть, и ты выплунешь и сам желудок, похожий на пустой, сморщенный мешок! Презирать и ненавидеть себя за это, бояться собственного тела, бояться будущего и быть не в состоянии хоть как-то себе помочь! Знаете, каково это, всегда об этом думать?

Они, эти женщины, об этом знают! Мы, эти женщины, об этом знаем!

Я застыла перед монитором как загипнотизированная. Не останавливаясь, я вчитывалась в их истории, в каждой новой реплике узнавая каждую из своих собственных мыслей. Остро захотелось всплакнуть. Так беспомощно, по-женски, громко всхлипывая и сморкаясь. И жалобно подвывать, обращаясь к моим незримым подругам.

Но возникло ли у меня желание примкнуть к ним, присоединить свой тихий голос к этому многоголосому хору, все-речь послать еще один, такой же клич о помощи: «Помогите! Погибаю!»

Нет, мне не хотелось. Не хотелось по двум причинам: во-первых, что бы это изменило, кроме количества отчаянных

стонов в виртуальном аду? Ничего. Все это они и без меня знают, все это они уже слышали. Наши жалобы вторят друг другу, повторяясь, считай, до последнего слова.

А вторая причина заключалась в том, что к своему ужасу, за минувшие годы я успела так приспособиться к своей заразе, что она сделалась моей привычкой, дошедшей почти до рефлекса. Все равно, что чистка зубов два раза в день, и сразу после рвоты тоже.

Маленький алчный монстр, что жил в моем желудке, зубастой тенью следовал за мной по пятам, и то, что я сумела привыкнуть к его присутствию, все же не отменяло его желание уничтожить меня, разорвать меня на куски. Он был готов сделать это в любую минуту, на любом этапе моей жизни.

Только вот когда?

Он был со мной всегда и везде. Алчными глазами следя за каждым моим движением, читая и контролируя каждую мою мысль. Пока он выжидал, ждала и я.

Но самое удивительное заключалось в том, что прежде я даже не считала себя больной, хотя на протяжении доброго десятка лет, ежедневно тратила на это несколько часов в день! Каждый день.

Я была все равно, что хронический алкоголик, который под страхом смерти, ни за что не признается в том, что страдает роковой зависимостью.

«Для тех, кто вступил в дьявольский круг булимии, пища

становится истинным наркотиком, лишить которого – значит, лишить человека жизни!»

Два года назад я бросила курить, хотя курила до этого больше десяти лет. По две пачки в день. Мучительный процесс избавления от никотиновой зависимости был мною успешно пройден.

Булимия же из года в год, всегда одерживает надо мной верх. Но, признаться честно, моя одержимость сигаретами не шла ни в какое сравнение с одержимостью «бычьим голодом».

Булимия – это такой огромный червь, что сидит в твоей утробе, и держит в своей бездонной пасти все твои нервные нитки, все клетки мозга. И управляет тобой. Полностью управляет.

И ты механически заглатываешь, и заглатываешь, и заглатываешь, и останавливаешься только когда понимаешь, что сейчас твой желудок лопнет, как презерватив, переполненный водой. А перед твоими глазами воображение рисует язвы в желудке, раковые опухоли в желудке, в груди, в горле, в мозгу. И тебе страшно. Но это сильнее тебя и ты ничего не можешь с собой сделать, кроме как безропотно поплестись в туалет.

«Чувствую себя, словно нахожусь в чьей-то власти, и как освободиться от этого – не знаю!» – продолжало мелькать на мониторе.

Думаю, что прекрасно могу понять беспомощность наркомана, алкоголика. Я хорошо знакома с понятиями «обреченность», «мания». Я знаю, что подразумевают люди, когда говорят: «Я стараюсь, но это выше моих сил».

«По данным специалистов, летальность среди больных булимией, составляет 5-6%, в большинстве случаев вызвана длительным голоданием или самоубийством!»

«Специфического лечения булимии не существует, однако, успешной можно считать программу «12 шагов», которая, как известно, применяется для лечения химически зависимых больных. Правда, лечение обычно имеет весьма продолжительный курс, до нескольких лет, и проходит весьма тяжело».

«12 шагов»? Что ж, получается, мы действительно родные с наркоманами и алкоголиками? Принцесса Диана такая же, как и сизый забулдыга, что вот уже два дня как лежит в канаве под забором? И я такая же?

«Держусь уже два дня. Не знаю, сколько еще смогу, но буду пытаться!»

«Меня завтра поведут к шаману. Может, он меня вылечит?»

«Сестры, держитесь! Наша беда в том, что мы чем-то недовольны в своей жизни! Давайте разберемся вместе!»

«Мой рост 177 сантиметров, а весила я 42 килограмма! Девчонки! Я смогла справиться с болезнью и даже смирилась»

с тем, что теперь растолстела до 48!»

«Мы можем справиться, ибо Господь никогда не даст то, что человеку непосильно!»

«Надежда на то, что я больше не буду этого делать, появилась тогда, когда я сказала о болезни родителям. И дело не в том, что мне не хочется этого делать, а была разрушена «тайна»! Видимо, для меня это было обязательным условием приступов!»

Тайна. Первопричиной самых необъяснимых наших поступков часто является какая-нибудь идиотская тайна. Будоража наше воображение, она всегда толкает нас к чему-то, к чему мы движемся вслепую, никогда не подозревая, что на деле скрывается под ее притягательным покровом. Разрушение тайны часто манит нас спасением, но еще чаще крушит нас и выставляет на всеобщее посмешище.

Может быть, причиной моих бед тоже является тайна? Тогда, которая из двух? Тайна-беда или тайна-мечта? Та, что уродлива или та, что прекрасна? Вернее сказать, та, что разрушительна или та, что жестоко цинична?

Хватит! Довольно! Открыто читать все то, что схоронено внутри за семью печатями слишком мучительно. Хватит на сегодня.

Я нажатием одной кнопки захлопнула воображаемую дверь в мир своей тайны-беды.

Немного поразмыслив, я решила, что наступило время

тайны-мечты. Я конечно, не смогла удержать себя от соблазна ввести в поисковую систему заветное имя «Кеану Ривз».

Сайтов, посвященных ЕМУ, во Всемирной Сети было несколько меньше. Сперва, я ощутила некоторое щекочущее разочарование, но вслед за этим пришла к выводу, что это, прежде всего, облегчало мне задачу выбора. А еще ограждало меня от неуправляемого потока любовных страданий тысяч поклонниц со всего мира, который обрушился бы на мою голову, если бы сайтов было хотя бы в два раза больше.

Виртуальный мир Кеану Ривза был полным антиподом миру «бычьего голода». Он явился мне прекрасным, исполненным красок и даже какой-то призрачной чувственности, что сквозила в каждой строке посланий, которое поклонницы посвящали своему кумиру.

Однако этот мир был фантазийным и на сто процентов выдуманным.

Говорят, сам Кеану никогда не просматривает сайты своих фанатов. Не потому ли, что всего выдуманного в его жизни и без того слишком много, чтобы, помимо ролей, еще и с головой уходить в ирреальные миры чужого вожделения? А может, он просто устал от обожания?

Тем не менее, вместе с Кеану или параллельно с ним, измерение его обожаемой тени все равно существовало. Насколько мне подсказывало воображение, это измерение творили, по большей части, совсем юные девушки, которые именовали себя «гавайками Кеану», «китайками Кеану»,

«кошечками Кеану» и даже «шлюхами Кеану». Не щадя сил и времени, они украшали каждую виртуальную страничку яркими цветами, звездным небом и красными сердечками, создавая уютный компьютерный рай, изливались в наивных эпитетах Кеану: «самый лучший», «самый нежный», «самый эротичный» и еще в десятках и сотнях разных «самых». Они размещали в сети свои письма к нему, в надежде, что он когда-нибудь, хоть лет через сто обнаружит их. Они писали его портреты, которые, по большей части, не имели ровным счетом никакого сходства, но вызывали чувство какой-то невыразимой нежности. Они даже создавали несуществующие городки, каждая собачья будка в которых гордо носила его имя.

Они помещали бесчисленное количество его фотографий, которые сопровождали милые комментарии вроде «Кеану в кепке», «А вот Кеану в майке», «А вот Кеану без майки».

Через двадцать минут нахождения в этом мармеладном мире я почувствовала себя неловко. Как будто бы я, тяжелая земная женщина, вторглась во владения юных, летучих, эфирных созданий. Которые порхали по компьютерным сетям, распространяя аромат ванили и клубники, и наколдовали красные сердечки, используя карамельки вместо волшебных палочек.

И к ним тоже я не могла примкнуть. Даже если бы придумала себе какую-нибудь кличку вроде «Пятачок Кеану», и написала, что мне четырнадцать лет. Не потому, что я не

смогла бы наврать всем этим девочкам, лиц которых я даже не представляла, а скорее всего потому, что страдала редкой формой разумного фанатизма, который был обусловлен моим совершеннолетием, и хотя порой доводил меня до иступления, но не рождал во мне всех этих розовых, кондитерских фраз.

Мне вдруг стало настолько неловко, что я поспешила убраться со страниц, занятых пронзительно страстными признаниями молоденьких поклонниц. Там я чувствовала себя слишком старой и разваливающейся кошелкой.

Не глядя, я проскочила страницы, посвященные любовным романам Кеану. Не то чтобы я ревновала, конечно, ...но мне было бы неприятно читать все эти сплетни.

Душа моя отдохнула на обширных виртуальных полях, на которых теснились многочисленные снимки Кеану. Долгожданное счастье, наконец-то, было готово переполнить меня.

Десятки и сотни повторений столь милого моему сердцу лица позволяли мне в полной мере насладиться созерцанием каждой его черточки. И не только лица. Здесь я могла увидеть Кеану и «в кепке», и «без майки», и даже, Господи, помилуй, «без штанов, но только со спины».

С упоением глядя на десятки парадных изображений, где Кеану выглядел безупречно, я укрепилась в своем личном мнении о том, что Кеану Ривз просто фантастичен и олицетворяет собой физическое совершенство человеческой осо-

би мужского пола. Его можно было выставлять в антропологическом музее как образчик высшей ступени эволюционно-го развития, достигнутого «homo sapiens».

Стоило мне подумать об этом, как передо мной развернулась еще одна галерея фотографий, самая непопулярная среди гостей сайта.

Она отличалась от всех предыдущих: на этих снимках Кеану был не богоподобной голливудской звездой, а обычным человеком. Самым обычным человеком.

Черт возьми, настолько обычным, что я даже опешила!

Моменты, случайно захваченные всевидящим оком камер вездесущих папарацци, в щепки разнесли тяжеленную, золоченую раму, в которую я успела поместить икону его идеальности. Заросшие щеки, усталый взгляд глаз, почти не видных из-под нестриженной копны волос, вытертые джинсы и какая-то жуткая синяя шапка, постоянно нахлобученная нарочито криво.

Нет, это не он! Это какая-то шутка! Это просто физически не может быть он! Разве этот худощавый, помятый дядька в синей шапке может быть тем самым совершенным Нео? Тем самым рафинированным Кевином Ломаксом из «Адвоката Дьявола»? Тем возвышенно прекрасным принцем Сиддхартхой, наконец?

Мне сделалось не по себе, щеки обдало жаром. У меня появилось ощущение, что меня обманули. Предали. Я не хоте-

ла видеть подобные снимки, потому что каждый все сильнее подтачивал остов моих самых сладостных представлений, но я не могла и оторваться от них, жадно пытаюсь найти в том неопрятном человеке моего, моего собственного Кеану, которого я привыкла боготворить. Я мечтала, чтобы эти проклятые фотографии, наконец, закончились! Но как назло, их было так много, что в какой-то момент мне даже стало казаться, будто я просматривала снимки вовсе не недостижимого кумира, а собственного родного брата или близкого друга, который был на каникулах где-то вдалеке от дома.

Я обязана была заставить себя вслух признаться себе же в том, что вовсе не чувствую страстных чувств к небритому человеку по имени Кеану Ривз, а на самом деле дрожу от любви к Нео и Кевину Ломаксу.

Но как я могла решиться на такое? Это признание вскрыло бы мои заблуждения и, в каком-то роде, лицемерие! Оказалось бы, что вовсе не меня предавали, но я бы предавала настоящего Кеану, вовсе не заботясь о живом человеке, а мечтая о несуществующих образах, им созданных! Выходит, тогда Мариэлла была бы права, решив, что я – дура, живущая во власти самообмана!

В конце концов, это признание лишило бы меня самого главного – оно лишило бы меня того самого сокровенного самообмана, моей взлелеянной мечты!

Ну, уж нет! К такому повороту событий я была совершенно не готова.

У меня был другой выход – убедить себя в том, что мне нравится Кеану Ривз таким, какой он есть: небритым, нечесанным и в идиотской шапке, нахлобученной нарочито криво.

Я мужественно просмотрела всю эту галерею снова, вдоль и поперек. И хотя я продолжала видеть в этом чужом человеке своего несуществующего брата или лучшего друга, я убедилась в том, что для того, чтобы быть неотразимым, Кеану вовсе не обязательно бриться. Он и так хорош. Я его и таким люблю!

Я даже решила, что, в принципе, совершенный человек иногда может уставать от своего совершенства и изредка позволять себе не отличаться от всех остальных.

Такая мысль вмиг вернула мне душевный покой и внутренний комфорт. Хотя бы на время.

Сразу после утомительной процедуры пересмотра своего отношения я, вновь ободренная и даже сильнее влюбленная, принялась отбирать наиболее полюбившиеся мне снимки для того, чтобы сохранить их на память и с наслаждением предаваться созерцанию их в любой подходящий момент.

Эта бессонная ночь отяготила мой компьютер двумя дюжинами отменных снимков, а мою голову – новыми, еще более бредовыми мыслями, нежели когда бы то ни было.

Отправляясь в постель с первыми лучами солнца, я задавалась вопросом: что, все-таки, на самом деле находится под оболочкой того, что я так опрометчиво именуя «любовью», «любовью к звезде»?

Чувство ли это любви как таковое, или инстинктивное стремление человека непременно занять себе персонального кумира, этакого божка, для совершения ритуальных обрядов первобытного поклонения непознанному и непостижимому явлению, которое страшит или восхищает его? Может быть, мы перенесли примитивную потребность в поклонении из времен, когда человек имел возможность быть самим собой, в наше время, когда все хотят быть чем-то больше, чем они сами?

Или нам просто нужна сладостная иллюзия, как отдушина в ежедневном мире притворства и безостановочного бега? Нам нужен кто-то просто прекрасный, без лишних сложностей и недостатков, чтобы восхищаться и наслаждаться мечтами о нем – таком, какого не бывает? И именно эту иллюзию мы и называем «любовью»?

А что они, эти карамельные волшебницы?

Они отдают себе отчет, кого именно они зовут именами своих кумиров, кого именно они подразумевают под этими именами, и кого они любят в них? И любят ли они их?

Мечтая об экранных образах, любят ли они при этом хотя бы одну единственную клеточку самого человека? Готовы ли они проявить хотя бы капельку настоящего сочувствия к тем людям, к пьедесталам звучных имен которых они сложили свои сердца? Интересует ли их, кто именно прячется за прекрасными публичными масками? И если интересуется, то из намерения ли сострадать, помогать, отдавать частицу себя?

Лицемерят ли они самим себе, так же как я, или я одна оказалась такой поверхностной и черствой?

И что было бы, если бы все мы, влюбленные в звезд, от всей души дали бы утвердительный ответ на все эти вопросы? Начался бы хаос, если бы тысячи были способны всем сердцем любить одного и ждали от него ответных чувств? Какая участь тогда постигла бы звезд, если бы все их поклонники пытались проникнуть в их души и искренне поучаствовать в их жизни? И выжили бы тогда звезды вообще?

Ну и мысли же приходят в голову, когда сон валит с ног и сознание начинает давать сбои.

Перед тем как уснуть, в голове мелькнула радостная мысль: я не взяла в рот и маковой росинки за всю ту долгую ночь, настолько я была увлечена! Я молодец! Может, эта ночь изменила меня?

Вы давно не прерывали меня. Дали мне возможность наболтать вам разной ерунды...

– Нет – нет, я весь внимание. Ну, раз уж ты сделала паузу, тогда дай мне ответ на твой собственный вопрос: действительно ли твоя любовь – просто заблуждение и иллюзия? Ты нашла единственно верный ответ?

Можно ли найти единственно верные для себя ответы на собственные вопросы о своих же чувствах? Я так и не по-

няла этого. Но я верю, что моя любовь не вероломна и не может навредить никому, кроме меня самой, как раз по той причине, что она, скорее всего, иллюзорна. Знаете, ведь по большому счету, Кеану Ривзу все равно, люблю ли я его самого или его персонажей. Ведь он сам об этом никогда и не узнает, что мне весьма больно признавать. А если бы даже он и узнал, то что с того? Я не могу предать, обмануть, воспользоваться им, сделать ему больно, и это самое главное! Для меня. Раз уж эта окаянная любовь возникла, то я готова хранить ей верность и страдать от нее, независимо от ее истинности.

– *Любовь не может быть не истинной. Если это чувство не истинно, то оно не может называться любовью. Но тогда ты и сама будешь чувствовать это. Если же твое сердце дает тебе знать, что оно любит, то так и есть, ибо твое сердце не может лгать тебе. Хорошо, остановимся пока на этом. Продолжай, пожалуйста!*

3.

А утром была суббота.

Меня разбудил Нельсон, который, рокоча как мотор мотоцикла, топтался по моему животу.

Не раскрывая глаз, я ухватила кота за шкурку и сбросила с кровати. Чертов кот, не понимал, что если я не спала всю ночь, то меня не следует будить в восемь утра только затем,

чтобы почистить ему туалет!

Нельсон испустил возмущенный вопль и, задрвав хвост, горделиво вышел из спальни. Сквозь сон я понимала, что в эту минуту он отправился гадить мне в туфли, в отместку. Его нужно было остановить, но это было выше моих сил. Я, крихтя, перевернулась на другой бок. Однако заснуть мне больше не удавалось. И Нельсон был здесь совершенно ни при чем. Мне не давала заснуть мысль, которая сверлила мой мозг все те скудные два часа, на которые мое сознание позволило мне выключиться. Та мысль вовсе не была революционной для меня, но приятного она несла в себе мало: вся моя жизнь заключалась в двух, только в двух вещах: булимия и Кеану Ривз!

Кеану Ривз и булимия!

Я посетила сайты только по этим двум вопросам. Никакая, совсем никакая другая информация меня не интересовала. Информация иного рода меня не интересовала настолько, что я даже не проверила свой почтовый ящик.

Что же получалось, что моя жизнь циркулировала между двумя полярными приоритетами: Кеану и Булимия? Как качели: вверх – Кеану Ривз, вниз – булимия? Вверх – Кеану, вниз – обжорство. Вверх – вниз. Если я не думала о булимии, я думала о Кеану; когда я думала о Кеану, я стыдилась думать о булимии.

Все остальное, вроде работы, друзей и развлечений, интересовало меня в значительно меньшей степени, имело до-

вольно блеклый вид, и на все это я выделяла минимум собственных усилий и чувств. И это было страшно! Это было тем страшнее, что получалось, что я обманывала всех вокруг себя! Вы, должно быть, решили, что я – серая мышь, одинокая и никому не нужная, нелюдимая и заброшенная, оттого и страдающая комплексами неполноценности? Скорее всего, вы решили, что я лишена внимания мужчин и по этой причине влюблена в кинозвезду?

Я вздохну и скажу вам, что это вовсе не так. У меня множество друзей и знакомых, ко мне с готовностью тянутся новые люди. С людьми я хорошо схожусь, хотя и не люблю знакомиться. Считается, что я хорошо разбираюсь в моде и обладаю тонким чувством стиля. Со мной комфортно и легко. Мои друзья даже полагают, что я мудрый человек и часто обращаются ко мне за советами, которых я мудро стараюсь не давать. Для друзей у меня всегда отличное настроение, отлаженное на радужный оптимизм, легкий нрав и безудержная мимика, которая забавляет и радует всех. Все мои новые подружки тайком проводят не один час перед зеркалом, пытаясь перенять у меня манеру корчить веселые рожицы.

И все верят в то, что я никогда не расстраиваюсь и не впадаю в уныние.

В общем, на время забывая о своей булимии, все эти годы, для всех я была другой. И это был ежедневный обман, ежечасное притворство. Не могу сказать, что это было мне в тягость. Только иногда я ощущала сильную потребность в оди-

ночестве и, честно говоря, терпеть не могла наши женские сборища в кафе со старушечьими разговорами о ботоксе и целлюлите. Но в целом, моя социальная маска в полной мере являлась частью меня самой и мне особенно не досаждала.

Тем не менее, по возвращении домой, я всегда с облегчением снимала ее вместе с несвежей одеждой. Я оставалась одна, лицом к лицу с минувшим днем и множеством мыслей, которые как невидимый град срывались откуда-то сверху, бились о мою голову и тут же таяли, оставляя лишь неосознанное, прохладное ощущение на моей коже.

И тогда, по необъяснимым мне причинам, немедленно возникало желание опустошить холодильник. Мои ноги неслись к нему сами со спринтерской скоростью. Я изо всех сил пыталась останавливать себя силою разумных доводов, вспоминая свои самые ужасные моменты в туалете и призывая на помощь всю свою волю, но мои ноги продолжали торопливо семенить на кухню, руки распахивали дверцу холодильника, а рот заглывал в себя все съедобное, что только могли увидеть мои глаза.

День за днем булимия побеждала мой податливый разум, оправдывая меня и себя чувством голода, естественно возникающим после работы. Я чинно садилась ужинать, притворяясь, что сегодня точно удержу себя в рамках. Но, за считанные секунды проглотив тот самый легкий ужин, я с неистовством начинала обжираться и остановить себя была совершенно не в силах, как бы ни старалась и что бы ни пред-

принимала.

Я как будто теряла сознание в эти моменты и приходила в себя, уже представляя собой фаршированную тушку.

Любыми способами пытаюсь избежать приступов, я какое-то время взяла за привычку ужинать в ресторане, а потом не отправляться домой в одиночестве, приглашая к себе кого-нибудь из подруг. Но за неделю такого питания исчерпались все возможные темы для разговоров, бесследно испарилась моя месячная зарплата, зато на ляжки осело два лишних килограмма.

Стоило мне сделать это кошмарное открытие, как в одно мгновение все возвратилось на круги своя: выключенный телефон, включенный телевизор, еда, еда, еда! А потом – туалет, пока не зазвенит в ушах.

После этого – короткий отдых и три возможных варианта развития дальнейших событий:

Если повезет, то кто-нибудь позвонит, когда я снова включу телефон, и я совершу побег из дома.

Если повезет меньше, то никто не позвонит, и меня ждет постель, угрызения совести и мучительные мысли о раке горла.

Если не повезет совсем, то независимо от того, позвонит кто-нибудь или нет, булимия снова поволочет меня к холодильнику дожирать то, что чудом не влезло в мою бездонность до этого.

И опять все заново.

И, представьте себе, какое-то время назад, я все-таки не считала себя больной! Я так привыкла обжираться и потом блевать, что не считала это слишком серьезной проблемой. Хотя после продолжительной рвоты чувствовала себя, мягко говоря, не очень: у меня кружилась голова, во всем теле вдруг образовывалась тяжесть, словно на меня надевали костюм, целиком отлитый из чугуна.

При таком положении дел, дома меня редко можно было застать с улыбкой на лице. Я как сомнамбула, пошатываясь, бродила из комнаты в комнату и часами могла беседовать с собой о том, как бессмысленна моя жизнь и что меня ждет в недалеком будущем.

Сами понимаете, с букетом описанных мною ощущений, мне было не сложно рассуждать о смерти и идиотической бесполезности моего существования.

XX

X

Итак, в то субботнее утро мой не отдохнувший мозг выдал мне весьма драматичный вывод: на самом деле я одинока, у меня зависимость от булимии и Кеану Ривза.

Я тут же задала себе вопрос: я на самом деле одинока и из-за этого у меня зависимость от булимии и Кеану?

Или я на самом деле одинока из-за того, что у меня зависимость от Кеану и булимии?

Ответа на этот вопрос у меня не нашлось, но решение напрашивалось только одно: сразу две мании для одного человека – слишком тяжкая ноша. От одной из них необходимо было избавиться как можно быстрее. Осталось только выбрать, от какой именно. От проклятой беды, сросшейся с моей сущностью, или от странной мечты, которая хоть и заставляет меня страдать ничуть не меньше, однако дает мне вкус к жизни и ежедневно дарит мне маленькие радости влюбленной женщины?

Первая мания слишком сильна, чтобы просто так от нее отделаться, а вторая слишком мне дорога, чтобы просто так от нее отказаться. Ведь что плохого в том, что я просто хотела любить, а вышло так, что тот единственный, который мог быть мною любим, никогда не сможет найти меня? Я все равно могу любить его и так. На расстоянии.

Как же замучило меня мое самоедство, мой психологический каннибализм, если бы вы только знали!

В другой комнате начал звонить телефон. Проклиная всех на свете, я вылезла из кровати и потащила на лязгающий звук звонка.

Я чувствовала себя так, словно меня всю ночь били палками.

Резкий запах в прихожей подтвердил мои опасения по поводу мести Нельсона. Какие-то туфли придется выкинуть.

– Алле... – голос Клары дрожал от возбуждения.

– Клара, ты смотрела на часы? – Мой голос тоже дрогнул,

но от злости, вдруг взбодрившей меня лучше ведра ледяной воды на голову.

– А что с часами? – Нахалка так правдоподобно изумилась, что мне сделалось даже неудобно. – Уже без двадцати двенадцать! Пора уже и вставать! Опять, небось, полночи не спала, «Матрицу» смотрела? – Клара закатилась таким звонким хохотом, что мне пришлось отстранить трубку от уха.

Пока она веселилась, я бросила взгляд на часы. Надо же, я перепутала стрелки. Обидела кота, и моя ошибка обошлась мне в пару туфель.

– Не смотрела я никакую «Матрицу». Я смотрела «Чувствуя Миннесоту». – Соврала я. Надо же было ответить что-то вразумительное.

– О! Понимаю... – многозначительно протянула Клара, – он там, ну очень...ням-ням,... соблазнительный! Ну, ладно с ним. Раз ты бессовестно дрыхла все это время, то значит, забыла, что обещала пойти со мной по магазинам? Мне нужны туфли. Я хочу, чтобы ты была рядом. Без твоего совета я их не выберу.

– Да-а? – удивилась я. – Обещала? – Никакого обещания я действительно не помнила. Клара, скорее всего, все выдумала.

– Обещала, обещала! – Капризным голосом упрекала меня подруга.

– Хорошо, обещала, так обещала. Через час буду готова. – Я положила трубку.

Надо было найти испорченные котом туфли.

XX

X

Спустя пять часов, проведенных в магазинах, где было «слишком много обуви!», «вся обувь слишком красивая и дорогая!», «кошмар, невозможно ничего выбрать!» и «я с тобой с ума сойду, вечно тебе все не то!», пара туфель была все-таки оплачена, и теперь мы сидели в модной кофейне, с трудом переводя дух.

Клара устало размешивала сахар в своей чашке. Я, следя за плавными движениями блестящей металлической ложки, быстро погружалась в свои мысли. Но уйти в них совсем мне не удалось:

– И кого ты себе представляешь, когда развлекаешь себя сама? Ведь у тебя сейчас никого нет.

Я вздрогнула не только от неожиданности заданного вопроса, но и оттого, что он прозвучал так громко, что теперь все посетители кофейни ждут, пока я так же громко и внятно произнесу: «Кеану Ривза»!

Этого ждет, прежде всего, Клара.

– Ты что, смутилась? – Клара удивленно подняла тщательно выщипанные брови. – Да брось! Мы же современные женщины. Все на свете занимаются мастурбацией, это же нормально.

Ну, уж кому как. Конечно, само по себе это нормально, но стоит ли это обсуждать, сидя в кофейне после покупки пары туфель?

Я глянула на нее исподлобья и промолчала. Она внимательно смотрела на мой рот, она с нетерпением ждала, когда же я произнесу «Кеану». Но этого не произошло. И не могло произойти. По той причине, что в свои интимные моменты я никогда не представляла себе Кеану. Я вообще никого конкретного себе не представляла.

Сексом занимался целый город. Весь город. Во всяком доме, в каждом подъезде, в любом укромном уголке. Старые и молодые, красивые и уродливые. Повально все. Очень разнужданно. А я, невидимая, проникала в дома через окна или распахнутые двери и наблюдала за ними. Я не подсматривала, я смотрела. Почти открыто, только будучи совершенно невидимой.

И еще одна, самая любимая фантазия: нашествие на город крылатых фаллосов.

Маленькие и большие, у них было по паре яичек, и перистые сероватые крылья, такие как у голубей. И еще нюх, который вел их в нужном направлении. Они порхали по улицам и настигали женщин в те моменты, когда те меньше всего этого ожидали. Сначала женщины пугались, роняли из рук сумки, тарелки и деловые бумаги, но сразу же падали ничком и начинали биться в конвульсиях неземного наслаждения. И другие, еще не занятые фаллосы, учуяв соитие, за-

слышав сладострастные стоны, тоже слетались, чтобы присоединиться к этому стихийному плотскому пиршеству. И я, опять же невидимая, летела над тротуарами, сплошь усеянными распростертыми телами улаждаемых женщин, над которыми без усталости трудились маленькие крылатые пришельцы.

Неужели вы думаете, что в этом разврате я нашла бы место для Кеану, самого чистого образа из всех, что доселе являлись мне?

– О чем ты там думаешь? – Клара чувствовала себя уязвленной: она заговорила о самой сокровенной области своей жизни, а я просто проигнорировала ее. Но я не со зла. Просто я не из тех, кто может обсуждать такое с друзьями.

Клара: «Все-таки она законченная стерва. Посмотрели бы вы на нее: вечно корчит из себя самую умную, а сама – дура душой! Вон, усталилась в чашку, как Диоген в свою бочку, и молчит. Молчит постоянно и многозначительно, будто она выше всех. А с тех пор, как она втрескалась в кинозвезду, так совсем нос задрала. Ведет себя так, что можно подумать, она уже за него замуж выходит. А сама – обычная фанатка. Да она ж его даже в лицо не увидит никогда! Впала в детство. Какой нормальный человек старше пятнадцати может влюбиться в киноактера? Только полная дура!»

– Покажи мне еще раз туфли, которые ты купила. – Попросила я, чтобы перевести разговор на другую тему.

Недовольное лицо подруги вмиг просветлело, и она полезла в большой бумажный пакет, который соблазнительно захрустел покупками, и вот уже на столе надменно блестит черным лаком коробка с вожаделенным логотипом дорогой обувной фирмы.

Клара кивнула, предлагая мне самой достать туфли, и с довольным видом откинулась на стуле.

Я долго вертела туфлю в руках, с видом знатока, одобрительно трясла головой и причмокивала, чем подняла настроение Клары до самых вершин.

– Роскошно! – Это единственное слово, которое было сейчас необходимо.

– Спасибо тебе за совет. – Клара потрясла меня за мизинец. Не сложившийся разговор о мастурбации канул в Лету.

– Ну что, поедем? – С надеждой спросила я, как только она сделала последний глоток своего кофе. Общество Клары стало мне в тягость с момента, как она задала тот идиотский вопрос.

– Нет! – Замотала головой она в ответ. – Мы ждем кое-кого! Я договорилась здесь встретиться с одним человеком. Закажи себе еще что-нибудь.

– Кого? – Я ощутила досаду: можно было меня раньше об этом предупредить!

– Прости, что я тебе сразу не сказала: совсем вылетело из

головы с этими туфлями! Слушай, а давай выпьем.

– С чего это вдруг?

– Отметим мою покупку.

– Я вообще-то за рулем... – если честно, это меня не оставляло, когда хотелось выпить немного.

– Ну, давай! Чего-нибудь вкусного. Вина!

– Нет, лучше мартини.

– Окей, пойдет!

Я оглянулась, разыскивая взглядом официанта, и взгляд мой уперся в стеклянную витрину, сплошь заставленную блюдами с разнообразными десертами, один ошеломляющий вид которых вышибал слюну из всех желез. Я клацнула зубами, но в этот момент витрину загородил собой изящный молодой человек в опрятном фартучке:

– Что-нибудь еще желаете, леди? – Я продолжала видеть клубничные торты вместо его лица, когда Клара громко объявила:

– Два мартини со льдом и лимоном и еще две чашки кофе!

– И два куска сырного пирога, один лимонный, другой с шоколадом и карамелью! – Пропищал мой собственный голос.

Клара удивленно захлопала ресницами, а потом одобрительно кивнула. Наивная, она думала, что один из заказанных кусков предназначался ей!

Однако когда заказ уже стоял на столе, мой разум все же

превозмог зов бездонной бочки, и я с готовностью придвинула тарелочку с шоколадным пирогом Кларе. Но та замаха-ла руками с деланным испугом и притянула к себе пирог лимонный, по слухам, более диетический.

В ту же секунду в дверях показался высокий, плотный мужчина в длинном темном пальто. Он пригладил ладонью короткие светлые волосы и начал подслеповато вглядываться в лица посетителей. Завидев его, Клара подпрыгнула на стуле и громко позвала: «Дэвид!»

Тот повернулся на свое имя и, разглядев в свою очередь Клару, заулыбался и кинулся к нам, неуклюже протискиваясь между рядов круглых столиков.

– Привет! На улице отвратительно! Изморозь какая-то сыплется прямо на голову. Странно, я сегодня внимательно слушал прогноз. Ничего такого не обещали. Надо же, в стране полный бардак! Даже погоду не могут нормально предсказывать! Лучше бы не делали этого вовсе. – Дэвид на миг задержал на мне пристальный, оценивающий взгляд, и тут же принялся с деловитым видом стряхивать капельки холодной воды с пальто, которое перед этим аккуратно повесил на резную деревянную вешалку, что стояла неподалеку.

– Все в порядке, Дэвид! – По лицу Клары скользнуло легкое раздражение. – Сейчас апрель. В апреле такие погоды не редкость. Ерунда. Скоро лето.

– Какая же это ерунда? – Всплеснул руками Дэвид, бес-толково суетясь возле столика. – Ведь апрель означает, что

сейчас разгар весны! А какая же это весна? Это же черт знает, что такое, а не весна! Климат совершенно испортился! Отвратительно. То ли еще будет.

Я посмотрела на Клару взглядом, который гласил: «Что это за придурок?»

Клара неловко улыбнулась и дернула мужчину за рукав помятого пиджака:

– Дэвид, познакомься, это моя подруга Карина. Она ассистент одного известного дизайнера. Я тебе про нее говорила.

Я напряглась. Еще секунду назад я думала, что этот недовольный нытик с прозрачными глазами и толстыми, мокрыми губами – новая пассия Клары, но судя по голосу, которым ему меня представляла моя подруга, и улыбочке, которой меня одаривал этот тип, он предназначался вовсе не Кларе, а мне! Ну, молодец, подруга! Еще бы с гориллой из зоопарка меня познакомила! С обезьяной, по крайней мере, разговаривать необязательно.

– Я рада! – Вежливо улыбнулась я в ответ на «меня зовут Дэвид. Я брокер». Потом я поднялась со стула, глазами провозжая так и не тронутый кусок шоколадного торта, и взяла свою сумочку. – Мне, пожалуй, пора, ... а то уже восьмой час, я пойду.

– погоди, Карина! – Запротестовала Клара. – Куда тебе торопиться? К своему коту, что ли? Или к Кеану? – Она расхохоталась. Дэвид с лукавством взглянул на нее, потом на

меня, и тоже засмеялся.

Я была готова убить эту дуру! Надо же быть такой сукой!

– Останьтесь, Карина! – Подал голос нытик с мокрыми губами.

– Нет, правда! – Сквозь бешенство улыбнулась я. Мои зубы скрипнули. – Я бы еще осталась, но...

– Но Кеану подождет! – Продолжала веселиться моя идиллика подруга. – Некуда тебе торопиться! Сегодня суббота, ты одна. Не уходи никуда.

– Увидимся! – Я сделала шаг из-за стола, и тут Дэвид вскочил и схватил меня за локоть. Какая фамильярность!

Крепко сжимая мою руку, он шарил взглядом по столу, словно разыскивая на нем что-то. Наконец, его слеповатые глаза уткнулись в мою тарелку с нетронутым пирожным, чей соблазнительный шоколадный цвет выразительно контрастировал с холодной белизной фарфора.

– Послушайте! Вы ведь даже не притронулись к тарту! Карина, вы любите торты? Это прекрасно! Мне это нравится! Женщина, которая любит сладкое, обладает мягким характером и хорошо развитой сексуальностью!

Не успела я поразмышлять над значением выражения «хорошо развитая сексуальность», как на столе неким чудесным образом оказался целый клубничный торт и бутылка дешевого шампанского.

Клара и Дэвид так громко и продолжительно упрашивали меня остаться, что взгляды всех без исключения посетителей

кофейни, в конце концов, устремились на меня. Они глядели на меня с ненавистью, сверлили во мне дыры и беззвучным, но дружным хором требовали, чтобы я села обратно на свой стул или немедленно убралась ко всем чертям, только бы уgomонить этих двоих.

Я шлепнулась обратно на свое место, подмяв под себя свою сумку и первым делом, за считанные секунды смела с тарелки кусок торта, который к этому времени уже успел подтаять и сделался особенно нежным.

Клара: «Дэвид старался изо всех сил произвести впечатление на Карину. Он сыпал шутками, рассказывал уморительные анекдоты, рассуждал о политике и экономике, задавал ей бесчисленное количество вопросов. Она молча пила шампанское, уставившись на верхушку торта, который неразрезанным стоял на столе. Отвечала односложно и всем своим видом демонстрировала, что Дэвид ей совершенно не интересен. Не понимаю, что еще ей нужно! На самом деле, в парне есть все, что надо! Светловолосый, загорелый, с большими голубыми глазами. У него влажный чувственный рот. Он не толст, не стар, не уродлив. Деньги у человека есть. Недостатки, конечно, тоже есть. Но они ведь у всех есть, кто из нас совершенен? Ну, конечно! Я совсем забыла: он же не Кеану! Дура набитая! Пользовалась бы моментом. Может, мне его как-нибудь на свидание пригласить? Отчего это я раньше не замечала, что Дэвид – вполне привлекательный

тип».

XX

X

От потери разума меня спасли только мартини и шампанское. За полчаса общения с этим напыщенным, самодовольным господином, считающим себя пупком земли, знающим все на свете лучше всех, немудрено было рехнуться.

Он не замолкал ни на минуту: исторгал из себя самые плоские шутки, когда-либо мною слышанные, и сам над ними потешался громким, захлебывающимся хохотом.

Истошив запас идиотизмов, он без усталости принялся рассуждать о политике и экономике всего мира, явно ничего не смысля ни в одном из этих предметов. Ругал правительство, налоговую полицию, медицину и все население планеты, обвиняя во всех смертных грехах китайцев и русских. При этом он постоянно лез своим бокалом мне в лицо, назидательным тоном разъясняя мне, отчего шампанское должно подаваться только в бокалах узких и высоких. Дэвид причмокивал своими мокрыми толстыми губами и время от времени окидывал придирчивым взглядом посетителей, словно проверяя, все ли здесь достойны его присутствия. Видел он плохо, поэтому сильно шурился, из-за чего его глаза сужались до бледных черточек и терялись в складках щек.

Стараясь унять свое все нарастающее отвращение, я уста-

вилась на большую клубнику, которая возвышалась на самой вершине торта, блаженно утопая в пышной шапке сливок. Временами я выглядывала из-за клубники и бросала яростные взгляды на Клару. Мне казалось, что она должна была разделять мое недовольство происходящим, однако, было очевидно, что моя подруга наслаждалась ситуацией. Она не сводила с Дэвида глаз, ловя каждое его слово, и раздражалась бурным хохотом при любом уместном случае. Короче, проблема была во мне.

– Так, леди! – Дэвид встал со стула. – Пойду, проверю состояние здешнего туалета! – Он подмигнул. – Надо отлить! Шампанское давит на мочевой пузырь!

Он выкарабкался из-за стола и тут же ткнулся в соседний столик, перевернув сахарницу. Бубня извинения, он сделал резкий шаг назад и зацепил еще один стол. С громким стуком на пол упала стеклянная бутылка с минеральной водой, которая с возмущенным шипением заструилась по полу.

Дэвид покраснел и быстро побежал по проходу в направлении, которое ему указывал официант.

Клара проводила его взглядом, потом повернулась ко мне. Ее лицо было преисполнено гордости за своего приятеля и за себя.

– Ну, как он тебе? – Доверительным тоном спросила она.

– Неужели по мне не видно? – Зло бросила я в ответ.

– Не понимаю, он же такой умный и привлекательный!

– Привлекательный?

– Ну, конечно, – с издевкой сказала Клара, – он не Кеану!

– Оставь Кеану в покое! – Огрызнулась я. – При чем здесь Кеану!

– А притом, что ты всех теперь меряешь под его метр восемьдесят!

– Метр восемьдесят пять! Но какое это имеет значение? Этого Дэвида послушать, так он знает все на свете, все на свете перепробовал и прошел сквозь все тяготы и лишения, чем приобрел неоценимый жизненный опыт, и вся его жизнь – борьба с врагами государства, которые превратили страну в полный бардак! На мой взгляд, лучше лишний раз промолчать, чем публично демонстрировать свою некомпетентность, да еще и кичиться ею!

– Имей в виду: будешь всю жизнь ждать своего Кеану, так и самого заваливающего Дэвида потом не дождешься!

– Знаешь что, уж лучше супер– Кеану в мечтах, чем самый заваливающий Дэвид в жизни!

– Карина! У тебя слишком завышенные требования ко всем! Так нельзя!

– Что нельзя? – Мы и не заметили, как Дэвид вернулся из туалета.

– Есть слишком много сладкого! – Тут же нашлась я. – Я очень люблю сладкое.

– Шоколад? – Игриво подмигнул он. – Любовь к шоколаду и разная блажь в вашей голове идут от вашего одиночества. Я мог бы попытаться скрасить его.

Это было уже слишком. Меня едва не разорвало на части от ярости, в одно мгновение переполнившей меня: эта сучка Клара, она ему рассказала все про мое увлечение? И он не замедлил показать, что все обо мне знает, выставив меня полной дурой! И он теперь смеет издеваться надо мной!

– Мне пора идти! – Я подхватила свою сумку, торопливо полезла в кошелек и вытряхнула на стол деньги за свой заказ. Я была так взбешена, что почти не могла скрыть этого. Щеки мои горели, сердце билось как сумасшедшее.

– Погодите! – Дэвид, вроде испугался, что перегнул палку. – Карина, простите! Я, кажется, переборщил!

– До свидания! – Я резко развернулась и быстро вышла из помещения.

Дряни! Как они смеют издеваться надо мной?

Я уже садилась в машину, как из кофейни выбежал Дэвид. В руках он держал коробку с тортом.

Я поддала газу.

– Карина! Карина! Возьмите хотя бы торт! Пожалуйста! – У него был до смешного нелепый вид, когда он просунул белобрысую, всклокоченную голову в окно отъезжающей машины, ведь я и не подумала утруждать себя торможением.

– На кой черт мне ваш торт?!

– Я просто хочу извиниться!

– Пошел к черту!

Дэвид едва успел отпрыгнуть от машины, которая с ревом рванула вперед. Я кинула взгляд на сиденье рядом с собой: он успел поставить коробку с тортом в машину. Мое настроение резко улучшилось.

В конце концов, из-за чего я так переживала, все равно все вокруг если и не знали о том, что я влюблена в Кеану Ривза, то уже вполне об этом догадывались: у меня был слишком длинный язык, который особенно развязывался после пары коктейлей, да и болтливых подруг мне хватало.

XX

X

Очень скоро я была дома. Все, что мне хотелось, это обожраться как следует!

Должна вам сказать, что с годами я разработала целую систему переедания.

Обычно, мой ритуал принятия пищи, прошу прощения, обжорства происходил следующим образом: для начала я съедала что-нибудь диетическое и очень низкокалорийное. Это на случай, если в результате упорного исторжения пищи что-нибудь все-таки останется в желудке, то я смогу быть спокойна, что моей фигуре это не повредит. Только после того, как съедался какой-нибудь салат из морковки с капустой, я приступала к основному приему пищи: пара «бигмаков» с картофелем и пирожками из ближайшего «МакДоналдса»,

потом жареная курица или пицца. Потом еще салат, но уже с мясом и майонезом, булка хлеба, а после – десерт: торт и килограмм мороженого с орехами, сливками и прочей дребеденью.

За время обширной практики я уже знала, от какой пищи освободиться было легче, от какой – сложнее. Например, от продуктов ресторанов фаст-фуд и дрожжевого теста избавиться было почти невозможно. Приходилось в буквальном смысле этого слова выворачиваться наизнанку, а потом долго лежать на диване, в почти полной отключке. Мороженое выходило не в пример лучше шоколадной пасты, а ведро поп-корна в желудке превращалось в горсть корявой шелухи.

Кроме того, у меня были определенные правила, которые я старалась неукоснительно выполнять: всегда пить побольше жидкости, иначе пища застрянет в пищеводе, и тогда ногтями можно в кровь изодрать всю гортань.

Не обжираться только теми продуктами, которые потом слишком сложно выплюнуть, никогда не начинать обжираться прямо с порога. Никогда не жрать «вредных» продуктов, подлежащих полному исторжению, вроде чипсов, пирожных или пончиков, на пустой желудок. И еще: никогда не пить мочегонное в день занятий спортом.

Но сегодня я нарушила большинство из своих же правил: я не могла ждать, так что едва я переступила порог собственной квартиры, как отшвырнула сумку в дальний угол и кинулась на кухню, на ходу распаковывая торт. Я ела его ру-

ками, даже не помыв их, не запивая и не вытирая губы салфеткой. Я поедала его молча, давясь песочным тестом и тихонько урча про себя. Это не я урчала от удовольствия, ибо удовольствия, на поверку, в этом было мало, это звучно заполнялась моя бездонная бочка. Я остановилась лишь когда от сладкого свело скулы.

Только сполоснув пальцы под струей теплой воды, я поняла, что сделала: сожрала всухомятку половину торта, на почти пустой желудок (если не считать еще одного куска торта, съеденного час назад в кофейне).

Меня охватил ужас: даже вовсе вырвав желудок из своего тела, я вряд ли смогу вытряхнуть из него тот проклятый торт!

Но я могла еще попытаться спасти положение: я кинулась к холодильнику и выгребла из него всю имевшуюся там снедь и трехлитровую бутылку колы в придачу. Едва помыв руки и скинув одежду, я уселась у телевизора и принялась поедать. Надо было жрать быстро, чтобы заполнился желудок, а потом тут же идти в туалет. Тогда есть надежда, что и торт тоже выйдет. Если нет – в крайнем случае, можно будет выпить слабительное.

Все это время вокруг меня вертелся Нельсон, пытаюсь привлечь мое внимание к своей персоне. Но я даже не смотрела на кота, мне было не до него.

– *И что, у тебя получилось избавиться от того*

торта?

Когда мой живот сделался размером с мяч для занятий гимнастикой, и дыханье сперло, я остановилась, с последним куском торта в руке. При всем своем желании я была не в состоянии запихнуть этот кусок внутрь. Я опять вспомнила легенду о том, что некий старинный писатель умер от ожорства, ибо у него лопнул желудок. Если сейчас меня не постигнет та же участь, то я – самый везучий человек на свете. Я огляделась вокруг – на диване, на столике, на полу, – всюду стояли грязные тарелки, валялись обертки от конфет и пирожных, коробки от мороженого. Господи, всем этим можно было досыта накормить человек пять! Куда? Мне кто-нибудь может объяснить, куда все это влезло?!

В телевизоре опять размахивали руками какие-то рэпперы, я лежала на диване, бессмысленно уставясь в экран. Пора было вставать и брести в туалет, пока желудок еще цел. Заставить себя сделать это было делом чрезвычайной сложности, но спустя двадцать минут самоуговоров, я справилась.

Я тяжело зашевелилась, сползая с дивана, но тут меня привлекли какие-то яркие вспышки на экране – в каком-то кино что-то красочно взрывалось.

И вдруг, в кадре крупным планом возникло его лицо! Длинноволосый, со сверкающими из-под черных кудрей глазами, он мгновение глядел из телевизора напряженно и решительно, потом кадр сменился – и вот он уже победонос-

но выезжает из пожара на мотоцикле. Взгляд горит, волосы развеваются, мотоцикл ревет! Огненный вихрь несется за ним след в след, но где ж ему достать Кеану!

Внутри меня все перевернулось, сердце заколотилось и в какой-то момент даже померещилось, будто вся пища бесследно испарилась прочь из моего тела. Я сделалась вдруг такой легкой, что почти вознеслась к потолку!

«Кеану Ривз снова против системы! Он не остановится, пока не узнает правды! Смотрите на нашем канале фильм «Цепная реакция!» – торжественно вещал мужской голос за кадром, пока в рекламном трейлере фильма Кеану пытался куда-то доехать, а потом добежать.

От счастья я трепетала.

Но спустя пятнадцать секунд реклама закончилась, и все вернулось на свои места. Еда опять начала душить меня и совесть, распахнув свои зубастые акульки челюсти, принялась грызть мой разум. Думаю, эти страдания почище прометеевой склеванной печенки.

Я снова уговаривала себя поднять зад и идти выполнять свой долг. Принимать заслуженную плату за удовольствие поедания бесчисленных пирожных и тортов. Я скользила глазами по тарелкам и разбросанным оберткам и чувствовала себя самым грязным и отвратительным человеком на земле. Даже не человеком вовсе, а раздутым, мерзким слизняком, прилипшим к дивану.

Мне внезапно представилось, будто Кеану входит в ком-

нату. И видит меня такой, с раздутым животом, посреди горы жирной посуды. Что, кроме отвращения, могло бы отразиться на его лице?

Я почувствовала как стыд и ненависть к самой себе прожигают меня насквозь, как гигантский лазерный луч, не знающий пощады. Мне стало еще хуже, когда я заметила, что из-под блюда с остатками дареного торта, будь он трижды неладен, выглядывает краешек журнала, обложку которого украшало лицо моего героя. Я взвизгнула и выдернула журнал. Я рванула слишком резко, и блюдо опрокинулось на пол, заляпав ковер кремом. Но это ерунда, страшно другое – его лицо было испачкано! Мало того, что на фотографии отпечатался влажный круг от мокрого доньшка блюда, так еще и жирный крем оставил пятна на его щеке.

Он смотрел на меня, как мне казалось, с презрением и злостью. Я была не в состоянии выносить этот взгляд, мне было стыдно смотреть в глаза даже фотографии Кеану. Он сильный, у него всегда достает мужества оставаться достойным самого себя, несмотря ни на какие катастрофы в его жизни. Он настоящий человек! А я? Жалкий кусок уродливого мяса, который не может даже управлять собственным ртом! Свинья, вот кто я! Ничего не добившаяся за свою жизнь, ни на что большее не способная, кроме как сидеть перед телевизором, жрать, а потом блевать, жрать и блевать! И так по замкнутому кругу, без изменений, постоянно! Что я успею сделать в своей жизни, если так и будет продолжаться-

ся вечно? Как смогу я быть достойной Кеану, если не смогу побороть себя, не смогу справиться с этой дрянью, не смогу стать кем-то?

Я метнулась в ванную. Так жестоко я не поступала с собой давно. Я засовывала руки в горло, чуть ли не по локти, словно пытаюсь вырвать из себя все внутренности, у меня началась истерика, и слезы градом покатались из глаз. Они катились по щекам, капали на кончик носа и, срываясь с него, смешивались с исторгаемым содержимым моего желудка. Я приглушенно выла, проклиная себя и свою слабость, в голове снова начал перекатываться свинцовый шар, сердце прерывисто забилось как будто на ниточке.

Когда я без сил рухнула на пол рядом с унитазом, я не чувствовала своего онемевшего горла вовсе, меня оглушал стук сердца, перед глазами плыли фиолетовые пятна, но желудок продолжал сдавливать какой-то ком. В мозг поступил сигнал: внутри что-то еще осталось! Должно быть, тот самый торт! Значит, действие еще не завершено!

Я тяжело поднялась с пола и сунула лицо под ледяную воду.

Руки тряслись. Я промокнула лицо полотенцем и посмотрела в зеркало над раковиной. Мне стало страшно, и слезы вновь затуманили мои глаза: мое лицо было пунцовым, и таким опухшим, что я походила на китайца: глаз почти не было видно из-под раздувшихся, красных век, белки налились кровью, на них ярко проступила сетка сосудов. Из-под мочек

ушей выступали какие-то бугры, между бровями пролегли две глубокие складки.

Красавица девица, нечего сказать!

Я вновь представила себе лицо Кеану и срывающимся голосом громко сказала своему отражению: «Карина! Хватит жалеть себя и продолжать это самоубийство! Ты должна стать сильной. Если ты хочешь встретить такого человека как Кеану, ты обязана победить себя! Ради него, ради себя ты должна начать новую жизнь! Хватит этого! Завтра все должно быть по-другому! Ты обязана вылечиться, если хочешь любить Кеану!»

Любить Кеану.

Надо быть достойной, чтобы любить Кеану. Такая любовь требовательна. Даже если происходит только в моих мечтах. А вообще, нет ничего невозможного! Надо быть всегда готовой встретить Кеану. Судьба часто дарует нам то, что мы больше всего хотим, главное – вовремя распознать ее знак, что вот оно, бери! А кто знает, что может преподнести мне судьба? Что я вообще знаю о судьбе?! Эта встреча теоретически возможна!

Кеану, ты можешь помочь мне стать лучше? Я могу сделать так, что ты сможешь мне помочь! Итак, Карина, с завтрашнего дня ты начинаешь новую жизнь ради встречи с Кеану!

Но сейчас надо избавиться от остатков бывшего пиршества! Немедля! А то, если ты будешь мерзкой жирной свиньей, на

кой черт ты Кеану сдалась?

Но я медлила. Мне было плохо. Очень плохо. Я прилегла на диван, чтобы немного унять сердцебиение и избавиться от фиолетовых пятен перед глазами. Боковым зрением я заметила, что безотчетно кинула журнал на пол перед тем как кинуться в ванную. Я хотела поднять его, но у меня не было сил.

Мне безумно хотелось плюнуть на все, включая хаос в комнате, и заснуть, но сигналы, которые доносились из желудка, становились все сильнее. Сейчас я была слишком обессилена, чтобы начать бороться немедленно. Так что я снова поднялась с дивана и потащила на кухню. Я достала из шкафа свою «дежурную» двухлитровую бутылку из-под лимонада и открыла кран.

На вкус вода из-под крана отвратительна. Но ее необходимо пить, чтобы промыть желудок. Раньше мне попадались разные идиотские советы, и я добавляла в воду то английскую соль, то соду, а пару раз мне даже хватило ума добавить раствор марганца. Тогда у меня началось кровотечение. Меня забрали в больницу на носилках, и едва спасли от обширной язвы желудка. С тех пор я поняла, что лучше воды может быть только много воды.

Я залпом выпила две бутылки. Стало быть, во мне плескалось четыре литра воды, и живот мой снова начал походить на огромный шар.

На сей раз в моей голове не возникло ни единой мысли до тех пор, пока из желудка не хлынула зеленоватая, горькая желчь и какая-то кислота, которая заставила меня завывать от боли, сжигающей мой пищевод, мое горло, мой язык и мои пальцы. Но, преодолевая адскую боль, расплзающуюся по голосовым связкам, гортани, небу и деснам, я не прекращала и засовывала пальцы все глубже и глубже, пока в желудке не сделался какой-то спазм, и, продолжая сокращаться, он не выбрасывал из себя уже совершенно ничего, кроме воздуха.

Мне потребовалось еще несколько минут, чтобы остановить бесполезные сокращения желудка. Когда он успокоился и повис пустым мешком, я осознала, что не могу ни сглотнуть, ни даже сделать глубокий вздох: все мое нутро будто полыхало адским огнем. И мне уже было все равно, что красных, бычьих глаз уже не было видно на моем лице совсем, что руки и ноги распухли и сделались похожими на клешни, что квартира вертится передо мной, как расплывчатый цветной калейдоскоп, что тело такое тяжелое, что колени дрожат, едва удерживая его вес.

Я не могла дышать. Я не могла глотать. Моя кожа покрылась ледяным, липким потом, голову объял жар. Я вся представляла собой большой костер, внутри и снаружи.

Мне удалось доползти до своего дивана в гостиной, но на него я не взобралась. Рухнула на ковер, между опрокинутым блюдом с тортом и горой оберток из-под мороженого и шоколадок.

Зачем я все это делала с собой? Зачем? Этот вопрос тихо жалил меня, но уверенность в завтрашнем дне не дала мне потерять сознание и присутствие духа: я уже была в «завтра», где мечта о встрече с Кеану помогала мне обрести новую жизнь.

XXX

Я пролежала несколько минут без движения. Легче мне не становилось. Я ничего не соображала, просто ждала, пока мне полегчает, когда вдруг ощутила знакомый отвратительный запах кошачьей мочи, где-то совсем рядом с собой. Я смутно вспомнила, что весь вечер Нельсон вертелся около меня, но я ни разу не обратила на него внимание. Такого пренебрежения он не сносил. Вот мстительная тварь! Ничего не прощает. Нагадил, наверное, на ковер. Ладно, это не страшно: его и так придется отдавать в чистку.

Я, сделав усилие, приподнялась на полу, повинуюсь инстинктивному желанию обнаружить место-жертву кошачьей мести. Тем более что сам мститель надменно следил за мной, сидя в полуметре. Кот хотел, чтобы я увидела то, что он сделал по моей же вине!

Я тронула рукой блюдо, еще пару тарелок, слабо похлопала ладонью по поверхности ковра – все было сухо.

И тут мой взгляд упал на журнал, забытый мною тут же, на ковре. Все мои прежние страдания были сразу забыты –

сердце провалилось куда-то вниз: обложка журнала, то есть Его ненаглядное лицо, было темным от влаги. Я потянулась неожиданным для себя самой рывком и схватила журнал – так и есть! Жидкость, которой было сплошь залито лицо Кенану, источала отвратительный запах взрослого кота! Журнал был безнадежно испорчен – никакими силами уже не было возможно избавиться от этой мерзкой вони!

Я с ненавистью воззрилась на Нельсона – проклятая тварь! Он знал, чем мог досадить мне больше всего! Он догадался, какая месть может стать для него самой сладкой. И сейчас он прогуливался рядом со мной с самым удовлетворенным видом, задрал свой чертов хвост и довольно мурлыча.

В этот миг на меня словно сошла тьма, затмив не только мой разум, но и все чувства, кроме одного – неуправляемой ярости. Я кинулась к коту. Я даже не чувствовала, как он кричал и брыкался в моих руках, пытаюсь вырваться. Косточки его шеи громко хрустнули под моими пальцами. Пушистое тело кота дернулось один раз очень сильно и тут же тяжело обмякло. Оно вдруг стало таким тяжелым, что я от неожиданности выронила его.

Он лежал на ковре, раскинув толстенькие лапки, прикрывшись пышным хвостом. Неестественно вывернутая шея и остекленевшие глаза не позволяли мне надеяться на то, что Нельсон жив.

Я похолодела: я только что убила своего любимого кота.

Я, не задумываясь, свернула шею тому, с кем бок о бок прожила уже шесть лет! Тому единственному живому существу, которое делило со мной все мои переживания, неосознанно помогая мне всегда. Я в один миг лишила жизни своего родного Нельсона только за то, что он налил на журнал. Нет, я свернула ему шею не за это, а за то, что он посягнул на самое дорогое, что у меня есть – мою любовь, мою мечту! Своим поступком он хотел доказать мне, что он для меня важнее, чем Кеану? Глупый кот! За это и поплатился! Бог мой, я УБИЛА кота только за то, что он написал на журнал! Я – чудовище!

Я заплакала. На этот раз я плакала тихо, почти беззвучно. Я плакала не только оттого, что мне было до смерти жаль кота, но еще и оттого, что мне было страшно. Я запуталась в себе. Я подозревала, что убийство кота было совершено не сознательно. Что это не я, но булимия убила его, все еще продолжая управлять мною даже после того как в туалете было все кончено. Тогда на что еще она способна в моем легко руководимом теле?

Я опять подумала о завтрашнем дне, который должен был поменять меня на корню. Потому что я так решила!

До наступления рассвета следующего дня оставалось еще несколько часов. Тем временем, я все еще оставалась в своем настоящем. С дикой головной болью, с обожженным желчью горлом, вся липкая от пота, я сидела на запачканном кремом ковре, посреди комнаты, захламленной грязной посудой, ря-

дом с мокрым от кошачьей мочи журналом, с обложки которого на меня печально глядел Кеану Ривз, и мертвым котом.

Я плохо помню то, как прибиралась в комнате, как мыла посуду, пыталась очистить лицо Кеану от следов кошачьего вандализма, о том, как упаковала труп Нельсона в черный блестящий пакет для мусора, как настоящая убийца, и вынесла на балкон, до завтрашнего дня.

Помню, что проснулась в воскресенье с тяжелой головой, отеком лицом и телом, и настроением, совсем нетипичным для человека, решившего начать всю жизнь заново.

4.

Милый, рыжий Нельсон не мурлыкал рядом и не терся бархатной головой о мою щеку. Нельсон был мертв. Я убила его вчера, и теперь его окоченелое тельце лежало на балконе, в черном пластиковом мешке, в ожидании, пока я предам его земле. Я свернула ему шею, и хрупкие косточки только хрустнули под моими пальцами. Горло нещадно пекло. Даже мысль о Кеану не приободрила меня.

Глухо зашторенные окна не пропускали солнечный свет в спальню, и у меня на миг появилось впечатление, будто я умерла и лежу в склепе. Это заставило меня выпрыгнуть из кровати и распахнуть темные, плотные шторы. В комнату, безудержным потоком хлынуло солнце, которое наполнило мою спальню теплом и уютом. В моей душе затеплилась надежда, что Нельсон умер не зря, и его неожиданная смерть

станет последней каплей, переполнившей чашу моей терпимости к болезни, и я точно начну жить по-новому.

Я прокашлялась, пытаюсь избавиться от боли в горле, но от кашля боль только усилилась.

Сегодня я опять спала допоздна, но сон не излечил меня от усталости. Я чувствовала себя разбитой. Где-то в сумке запищал сотовый телефон. Я вяло добралась до него и взглянула на дисплей.

«Напоминание! – сообщал телефон. – Сегодня день рождения Джулиана!»

Только я потянулась к домашнему телефону, чтобы звонить Джулиану, как телефон зазвонил сам. И звонил сам Джулиан:

– Бон джорно, синьорина! Я уже потерял всякую надежду дождаться твоих поздравлений, так что решил позвонить тебе собственноручно и напроситься на эти самые поздравления! Аллора, итак, вперед! Поздравляй меня!

– Привет, Джулиан. – Сконфузилась я. Мне действительно стало неудобно, что я не поздравила именинника раньше.

– Немедленно оправдывайся! – Шутливым тоном приказал мне Джулиан.

– Да, у меня есть оправдание. Ночью умер мой кот. – Я всхлипнула. У меня хватало совести прикрываться смертью создания, которое я сама же и умертвила! На глаза навернулись слезы.

Впрочем, Джулиан не страдал излишней сентиментально-

стью и патетика была не в его стиле:

– О, мама миа, это, конечно, несчастье! Ну, считай, что он уже в кошачьем раю, поедает шоколадных мышей. Окей. Оправдание принято. Теперь приступай к поздравлениям.

Я что-то промычала, торопливо вытирая от слез лицо. Мне надо было говорить дальше:

– Поздравляю, Джулиан.

– Дальше, дальше! – Ретиво подгонял меня именинник.

– Желаю тебе исполнения всех твоих желаний, осуществления всех планов, и чтобы твои музы никогда не разлетались. – Пробубнила я. Это было все, на что я была способна в данную минуту.

– И все? – Разочарованно протянул Джулиан. – Когда ты поздравляешь других, то проявляешь куда больше фантазии! Твои тосты обычно можно записывать. К моему несчастью, не в этот раз. Хорошо. Я буду считать, что ты слишком расстроена гибелью животного. Но за муз спасибо. Музы это хорошо. У каждого творческого человека обязательно должна быть своя муза! Без музыки в наше время – никуда!

– Да.

– Ты приготовила мне подарок? – Он тут же рассмеялся. – Прости, что я такой навязчивый и, как это будет не по-итальянски... насильный?

– Напористый, пожалуй...

– Точно! Напористый. Какое хорошее слово, на-по-ри-стый! Супер! Просто меня час назад начали поздравлять, так

что мой день рождения идет уже полным ходом. Не нужны мне никакие подарки, приходи сегодня в восемь вечера в «Дежа вю», отпразднуем! Если хочешь – приходи пораньше. Все мои друзья будут там уже с семи. Повеселимся, и ты забудешь про своего кота! Жаль, что ты Кеану не можешь привести с собой. – Добавил он игриво. – Было бы здорово!

– Ты же знаешь, он меня и так всюду сопровождает! В моем сердце! – Со вздохом сказала я. Джулиан был единственным человеком, шуточки которого в отношении Кеану я готова была терпеть.

– О-о-о, – томно протянул он, – как я тебя понимаю, принчепесса! Ничего, придет и на нашу улицу Кеану! Ты, кстати, видела рекламу по телевизору? На днях будут показывать фильм с ним.

– Да, я знаю, Джу.

– Ну конечно, ты знаешь! И никогда не называй меня Джу! Я не Джуд Ло! Все! Увидимся вечером! Целую, принчепесса!

– С днем рождения! – Успела крикнуть я, прежде чем Джулиан повесил

трубку.

Я вернулась в свою спальню, и мне вдруг стало грустно до слез: Джулиан уже час как веселился и пил шампанское, отчего его голос приобрел такой искристый и задорный оттенок, а мне еще предстояла печальная процедура погребения.

ния кота на лужайке в парке. Можно было похоронить Нельсона на специальном кладбище домашних животных, но меня проридрала дрожь, стоило мне лишь представить, что мой рыжий мальчик будет лежать там, в окружении многочисленных истлевших трупов всяких там собак. Нет уж, пускай покоится посреди лужайки, где зеленеет травка, которой он никогда не видел, будучи сугубо домашним котом, и носятся мухи и бабочки, на которых он с удовольствием охотился, когда они залетали к нам в квартиру.

В течение всего дня у меня не возникало даже мысли об обжорстве, так что, несмотря на депрессивное настроение, можно сказать, что запланированный переход к новой жизни мне удался.

XXX

Я еще долго бродила по дорожкам парка после того, как завершила свое печальное занятие.

Деревья были усыпаны нежнейшими маленькими листиками, пробудившимися после длительного сна, на газонах буйствовала изумрудная зелень травы, небо было по-весеннему пронзительно синим, и в прохладном воздухе пахло весной, как самыми лучшими из французских духов. Пахло всем новым и всем прекрасным.

И, несмотря на острое чувство вины перед внезапно убитым Нельсоном, моя душа начала наполняться сладост-

ным ощущением предвкушения чего-то большого и прекрасного, что ожидает меня в течение всей моей долгой жизни, которую мне еще предстоит прожить. Мне отчаянно захотелось приблизить восемь вечера, чтобы в своем новом сверкающем платье танцевать, бросаться конфетти и громко кричать «С днем рождения!», звонко чокаясь шампанским, непременно в бокалах высоких и узких.

Я невольно вспомнила Дэвида, но тут же отогнала от себя это противное воспоминание. Даже думать об этом человеке мне не хотелось.

Сегодня был действительно идеальный день для того, чтобы родиться!

Мимо меня проходили люди. Они, так же как и я, неспешно прогуливались по дорожкам парка, наслаждаясь погожим весенним деньком.

Взгляд мой упал на высокого, темноволосого молодого человека, который шел в обнимку с красивой, очень белокожей девушкой, и, наклонившись к самому ее ушку, что-то, улыбаясь, ей шептал. Она розовела по самые мочки ушей, смущенно улыбалась и заливалась тоненьким, прозрачным смехом.

Меня он не видел, да если бы и видел, то вряд ли обратил внимание: он был влюблен, и это могли засвидетельствовать все редкие прохожие.

Украдкой проводив его взглядом, я вернулась в своей памяти к фотографиям Кеану, где он был таким, как этот па-

рень, как человек из толпы.

И тогда я спросила себя: а заметила бы я его в толпе? Если представить себе, что на своем пути я повстречала не звезду, не знаменитость, а человека, мужчину, по имени Кеану Ривз, менеджера супермаркета или, скажем, юриста из адвокатской конторы, официанта из ресторана.

Остановила бы я на нем свой взгляд? Показались бы мне его глаза такими притягательными и таинственными? Или его нос, остался бы он таким же совершенным, а рот невероятно чувственным? Сочла бы я его образчиком мужской красоты и ловила бы с жадным восхищением каждый его взгляд, каждый его жест, как на экране? Или все это лишь магия кино, трюк, который играет с нами чужая известность, аура почти космической недосыгаемости?

Может, именно в недосыгаемости и кроется весь фарс положения? Какой смысл падать в обморок при виде красивого соседского парня, которого, приложив определенные усилия, можно достать, соблазнить?

Досыгаемость человека обесценивает его?

Не потому ли так часто девушки пытаются отхватить уже занятого собственной подружкой парня, или увести из семьи давно женатого мужчину? Мы хотим добиться чего-то недосыгаемого, потому что оно кажется нам особенно привлекательным?

Не заключается ли секрет в том, что нам всегда кажется, что у кого-то другого «всегда лучше, чем у меня»? В мало-

летстве мы часто пытаемся отнять у другого ребенка точно такую же шоколадку, какую едим сами, только потому, что «у него она вкуснее»...

Отважные киногерои всегда, по ходу фильма, обзаводятся барышнями, с которыми предаются любви, уже в финале. А мы сидим в кинозале, с завистью смотрим на то, как им повезло, и почти неосознанно предполагаем, что мы на месте этих барышень смотрелись бы куда привлекательнее, в чем себе бесстыдно лжем, и мы могли бы дать ему «гораздо больше, чем эта напوماженная стерва».

Если бы вы только знали, как тихо и сильно я ненавидела одну очень красивую актрису, что снималась с Кеану в двух фильмах, где играла его любящую жену, и удостаивалась бесчисленных объятий и поцелуев, которые Кеану исполнял в свойственной ему пылкой и порывистой манере. Поддавшись гипнозу кино, я поверила в его любовь на экране, и отчаянно, до зубовного скрежета, ревновала, обесточив все сигналы своего разума. Только потом, спустя пару дней, мой мозг автоматически включился, и я осознала, насколько была глупа. Но осознание собственной глупости еще не избавление от нее. Так что, я все равно ревную его к партнерам по фильмам и, хотя не признаюсь себе в этом, но стараюсь как можно реже интересоваться светскими новостями, чтобы, не дай Бог, не узнать, что он женится! Боже! Ни за что!

От этой мысли меня даже передернуло, и великолепный

весенний день внезапно сделался днем серым и обычным. На самом деле, просто небо слегка потускнело, и солнце приступило к ритуалу заката. Время шло к вечеру.

Боже! У меня ведь еще не было подарка для Джулиана!

Все остальные мысли на время отошли на второй план. Я бросилась к своей машине, лихорадочно соображая, куда собиралась поехать, поискать для моего начальника – эстета что-нибудь достойное его изящной персоны.

XX

X

Ровно в восемь, одетая в свое новое сверкающее платье, со свертком из модного магазина французского хрусталя, я входила в ресторан с интригующим названием «Дежа вю». Я была уверена в себе, в своем подарке, и в том, что вечер выдастся веселый.

Гостей уже собралось много. Ресторан был закрыт по такому случаю и приспособлен во что-то среднее между рестораном и ночным клубом. Где-то наверху сидел Ди-джей, который играл музыку, которую Джулиан больше всего любил: такую же яркую, легкую, праздничную и богемную, как и он сам. Свет был приглушен, и наряды девушек переливались в голубоватых лучах неона. Через несколько секунд я поняла, что многие из тех девушек были переодетыми парнями, очевидно, друзьями Джулиана.

Первые минуты я чувствовала себя неловко: я не могла разглядеть ни одного знакомого лица. Наконец, откуда ни возьмись, появился Донни Стардаст и взял меня под руку:

– Привет, Карина! Я так тебе сочувствую насчет твоего кота!

– Привет! Все уже знают. – Нервно ответила я. – Что-то я никого не вижу!

– Не волнуйся! Все здесь. А кого еще нет, так подтянутся скоро. Где ты видела, чтобы модели приходили куда-нибудь вовремя? Это я здесь чуть ли не с утра! – Он с гордостью выпятил могучую грудь. – Это я тут все устроил!

– Ты молодец, Донни! – Кивнула я, оглядываясь вокруг с откровенно преувеличенным восхищением.

– Пойдем, я покажу тебе твой столик, куда можно присесть, где можно оставить сумочку. Принести тебе шампанское?

– Да. Спасибо.

Столик, за который усадил меня Донни, был самым лучшим: это был столик именинника. Украшенный немислимо роскошными букетами цветов, сервированный самой эпатажно дорогой посудой, он ломился от изысканнейших лакомств. Надо отдать должное Донни, он действительно здорово постарался, чтобы угодить Джулиану.

За этим столиком сидела пока только я одна. Я не смогла удержать своего алчного взгляда, который так и заплясал по

столу. Великолепные яства, искусно украшенные именитыми поварами, они привели мои глаза в экстаз, а желудок – в состояние полной боевой готовности. Я уже начала примеряться, на какое блюдо я наброшусь в первую очередь, а какое – сразу после того, как вдруг вспомнила о клятве, которую дала сама себе минувшей кошмарной ночью. Мне сделалось стыдно за свою слабость, хотя в голове уже бесновалась мысль о еде. Я же обещала себе и Кеану, что с сегодняшнего дня все будет по-другому!

«Нет! Нет! Не по-другому! Жрать! Жрать! Посмотри на этих креветок! А на то жареное мясо под соусом! А какой будет торт! Жрать! Жрать!» – Я почти слышала пронзительный голос своего бычьего голода. Я не могла оторвать глаз от стола и чувствовала, что твердыня моей силы воли постепенно сдает свои позиции.

К счастью, ко мне вернулся Донни, с двумя бокалами и бутылкой шампанского под мышкой.

– Он уже едет! – Возбужденно прошептал Донни и принялся открывать бутылку.

– Здорово!

Бычий голод, недовольно ворча, забился в свой угол, откуда его не было слышно. До поры до времени.

Сейчас я заметила, что ресторан уже заполнился гостями. Гламурный, разряженный в пух и прах мир местной моды демонстрировал себя во всем своем великолепии. Никто не садился за многочисленные, нарядно украшенные столики.

Все расхаживали по ресторану, вяло пританцовывали и потягивали шампанское, показывая себя и оценивая других.

Я тяжело вздохнула, будто увидела себя со стороны в своем жалком сверкающем платье.

– Что вздыхаешь? – Донни, пыхтя, боязливо вытягивал пробку из бутылки. – Из-за котика? Жалко, конечно. Эти зверюшки быстро становятся членами семьи. Потом их жалко как людей.

Пробка хлопнула. Донни кинул на меня довольный взгляд и наполнил бокалы.

– Пока Джулиана нет, – торжественно начал он, – хочу выпить за твоего кота! Пускай он во веки веков пребывает в кошачьем раю, где ему несомненно лучше, чем было на земле!

– Ну, спасибо, Донни, – хмыкнула я и сделала глоток, – с чего это ты взял, что ему было так уж плохо на земле?

Донни пожал плечами. Скорее всего, он ничем не хотел меня обидеть, но моя мнительность не пропустила его слов, осадив их на мой ум, как вредную примесь на стенки фильтра. Я насупилась, думая о том, как же низко ценят меня люди, если считают, что коту лучше быть мертвым, чем жить со мной.

Донни Стардаст поерзал на стуле, потом схватил свой бокал и бесследно исчез в неоновой тьме.

Я снова осталась одна. Я тихо пила свое шампанское и украдкой наблюдала за незнакомыми мне красивыми

людьми, которые будто были специально созданы для роскошной одежды и вечеринок.

– Привет! – Внезапно услышала я низкий, чуть сипловатый женский голос.

Я обернулась и обомлела: на стул рядом со мной кинула свою изящную сумочку красавица, великолепнее которой я не видела даже в кино. Высоченная, с ногами точеными и бесконечно длинными, эта вполне голливудская блондинка сжимала толстую сигару большим, очень большим, изумительным ртом, и глядела на меня сверху вниз длинными, кошачьими, искусно накрашенными глазами. Она была одета во что-то очень яркое и совершенно неопишное, и небрежно держала в тонкой руке бокал с крупными следами пунцово-красной помады по всему краю.

Мое сердце сжалось. Мне захотелось исчезнуть, испариться, хотя бы просто убежать: если я останусь рядом с этой дивой, то буду чувствовать себя в, лучшем случае, невидимой.

– Донни сказал, что я сижу рядом с тобой. – Мягко произнесла блондинка и, грациозно выгибая спину, опустилась на стул.

– Привет. – Буркнула я, глядя на край стола.

Убежать не получится. Что ж, придется смириться с тем, что я чужая на этом празднике жизни. Главное, смириться с тем, что она – это не я, поэтому меня никто и замечать не будет, что означает, что я могу просто расслабиться. Не пытаться корчить из себя фею, когда фея настоящая сидит

рядом со мной. В конце концов, присутствие этой женщины несет в себе один, несомненно, положительный момент: она, наверняка, блюдет свою фигуру и ничего не ест. Так что, для того, чтобы не выглядеть полной свиньей, я тоже буду делать вид, что сижу на строжайшей диете, и не притронусь ни к чему, за исключением винограда и ломтика сыра.

– Ева, – промурлыкала блондинка.

– Карина, – снова буркнула я.

– Ты подруга Джулиана?

– Нет, его ассистент. – Как мило с ее стороны интересоваться моей жалкой персоной!

– О-о! – Восхищенно воскликнула Ева. – Здорово! А я модель.

Ее «а я модель» прозвучало так скорбно, что можно было подумать, что она сказала «а я – служащая похоронного бюро».

– Здорово. – Отозвалась я.

– Давай выпьем за именинника! – Она подняла бокал.

– Давай.

– Сколько здесь всего вкусного! – Залпом проглотив шампанское, Ева обвела томным взглядом стол и довольно улыбнулась, предвкушая изысканную трапезу.

Тогда я почувствовала настоящую зависть: имея роскошную фигуру, такие длинные ноги, и такую беспощадную профессию, эта красотка без зазрения совести могла позволить себе есть все, что угодно. Просто есть, не осложняя себе

жизнь! А мне ежедневно приходилось бороться с собой из-за панической боязни вернуться в свою подростковую форму. Вернее, в свою подростковую свинскую бесформенность. И это притом, что ноги у меня вовсе не от ушей. Что за наказание – моя жизнь!

Мне стало обидно и жаль себя. Я чуть было не расплакалась, но в эту минуту оглушительно загрохотали хлопущки, и в ресторан, утопая в цветах, впорхнул Джулиан, сопровождаемый пестрой толпой своих приятелей. Все громко запели «С днем рожденья тебя», и Джулиан принялся целоваться со всеми.

До нашего столика Джулиан добрался только минут через двадцать. Все это время мы с Евой с умилением наблюдали, как именинник принимал бесчисленные поздравления, и его идеальная осанка прогибалась под тяжестью гигантских цветочных букетов.

Наконец, он передал все цветы на попечение Донни, и очередь получать почетные поцелуи и отдавать подарки дошла и до нас.

– Как твое настроение, принчепесса? – Обнимал меня Джулиан. – Надеюсь, ты в порядке? Сейчас мы все начнем веселиться! Грусть сегодня вечером категорически воспрещается!

Ему понравился мой подарок. Несмотря на то, что мое хрустальное пресс-папье в виде коня не шло ни в какое сравнение со швейцарскими часами, инкрустированными брил-

лиантами в три ряда, которые подарила ему Ева.

– Ну что ты хочешь, – шепнул мне Джулиан, – у нее муж – нефтяной магнат! Эта женщина купается в деньгах!

Я украдкой поглядывала на Еву, не без зависти любуясь ее загорелой, сияющей кожей, идеальными зубами и особой грацией движений, которой наделены только женщины высокие и чрезвычайно тонкие.

Прошло некоторое время беспрестанных тостов, звона бокалов, радостного смеха и грохота хлопучек, пока я заметила, что Ева слишком много ест. Я не то чтобы лезла в чужие тарелки, но по известным причинам, невольно обращала внимание, когда какая-нибудь женщина ела чересчур много, даже если она не страдала комплексами из-за своей внешности, списывала все на сверхскоростной метаболизм, или не озадачивала себя выбором диеты.

Ева ела осторожно. Она выдерживала разумные паузы, чтобы окружающим не бросалось в глаза количество поглощаемой ею еды.

Но это было не главное, что заставило меня начать наблюдать за нею пристальнее: за столом у нее был тот же алчный взгляд, что обычно появлялся и у меня. Вороватый, ошупывающий, примеряющийся. Она не могла скрыть его от меня, хотя все остальные вряд ли придали бы этому взгляду какое-то значение, тем более что в ресторане было довольно темно.

Сначала я решила, что мне все-таки привиделось то, что

мне исподволь, может быть, хотелось увидеть. Я подсознательно искала в этой великолепной женщине изъян, который сделал бы мою безотчетную зависть не такой острой. Я легко могла увидеть в ней булимичку только потому, что внешних изъянов у нее не имелось.

Кроме того, неужели супруга богатого человека, роскошная манекенщица, не могла нанять себе квалифицированного доктора, который излечил бы ее от столь неприличного недуга?

Но, когда, съев уже три тарелки салата и множество закусок, она отправила себе в рот восьмое пирожное, а потом заела его пятью креветками и приличным куском камамбера, я пришла к выводу, что ничего мне не мерещится! Ева страдала булимией. Как и я. Но сегодня я держалась, а она – нет.

Она вдруг оторвалась от тарелки и кинула на меня настороженный взгляд. Я не успела отвернуться и сделать вид, что вовсе не смотрю на нее. Так что я поторопилась улыбнуться и поднять свой бокал, без слов предлагая тост. Ева кивнула и потянулась за бутылкой: ее бокал был пуст. Донни, который сидел по соседству с девушкой, поспешил поухаживать за ней. Пока Донни наполнял бокалы, Ева спросила меня, как будто невзначай:

– Почему ты ничего не ешь? – И она беззастенчиво заглянула в мою тарелку, где сиротливо лежали две виноградинки и кусочек сыра.

– Да мне... не хочется! – Я вдруг почувствовала себя ви-

новатой.

В том, что сегодня у меня не было приступа, а у нее был?
– Но здесь же столько вкусного! – Ева от удивления даже приоткрыла свой великолепный рот.

– Да, – я смущенно потерла лоб, – но мне не хочется.

Ева пожала плечами, потом выдержала минутную паузу, будто бы у нее тоже пропал аппетит, и достала сигареты из сумочки. Но булимия даже не дала ей толком покурить. Она торопливо затушила сигарету на половине и вновь приступила к еде, при этом украдкой взглянула на меня с недовольством. Чтобы не смущать ее, я поднялась из-за стола и отправилась в туалет.

XXX

Мне хотелось подкрасить губы, но в туалете, освещаемом только парой свечей, было так темно, что я даже лица своего не разглядела в зеркале. На выходе я натолкнулась на какую-то сильно пьяную девушку, которая размахивала пустой бутылкой из-под «Вдовы Клико» и хриплым голосом громко пела песню Мадонны, путая слова.

– Эй! – Воскликнула девушка, хватая меня за плечи. – Чего ты тут делаешь? Все танцуют! Иди танцевать! Все-е-е-е, выходите на та-а-анц пол! Ля-ля-ля!

Действительно, выскочив из туалета, я обнаружила, что почти все приглашенные уже всюю танцевали и веселились.

Я решила пока не возвращаться за стол, и присоединилась к танцующим. Откуда ни возьмись, у меня в руках возник новый бокал с шампанским и коробочка конфетти.

Этот момент был как раз таким, о каком я мечтала: на мне было сверкающее платье, я была немного пьяна, я танцевала, веселилась и разбрасывала конфетти.

Не хватало только его. Его одного. Кеану. Здесь так легко было представить, что он со мной, где-то рядом, просто отошел, чтобы взять еще шампанского или прикурить сигарету. Сейчас он придет ко мне, звездный, совершенный и до головокружения желанный. Он будет улыбаться мне своей фантастической улыбкой, и танцевать со мной.

Я совсем уже утонула в своих фантазиях, когда, пластично изгибаясь в такт музыке, ко мне подошел Джулиан:

– Молодец Донни, правда? Как он для меня постарался!

– Да, он отличный парень! – Я уже не держала на Донни зла за то, что он когда-то сказал про Кеану. Я уже и не помнила, что он сказал тогда про Кеану.

– Да, возможно, у нас что-нибудь получится. Знаешь что, Карина! – Джулиан обнял меня за плечи. – Давай выпьем за тебя. Ты славный человек, совершенно незаменимый, и я тебя очень люблю! Давай выпьем за то, чтобы в твоей жизни больше не было никаких горестей, и чтобы сбылась твоя самая заветная мечта! Какая твоя самая заветная мечта?

– Встретиться с Кеану Ривзом! – Автоматически отчеканила я до того как поняла, какую глупость только что ляп-

нула.

Джулиан подавил ироничный смешок и воздел свой бокал к потолку:

– Так пускай сбудется твоя мечта, Карина! Пускай твоя встреча с Кеану произойдет!

– Спасибо. – Тихо ответила я, уставившись в пол. Я только могла себе представить, насколько глупо я выглядела в глазах известного модельера, со своими мечтами о голливудской звезде.

Джулиан вдруг пожал плечами в ответ собственным мыслям и, встряхнув меня за плечи, заглянул мне в глаза:

– А кого ты ожидаешь увидеть перед собой, если встретишь его? Ты думала о том, кто он на самом деле?

Я промолчала: вы сами знаете, как много я раздумывала над тем, кто он на самом деле, и каким я сама себе его представляла.

– Только не говори мне, что, встретив Кеану Ривза, ты ожидаешь найти в нем Нео!

Я снова промолчала: боюсь, что на самом деле, я хотела бы найти в нем именно Нео, или героя Джека Трэйвена, да хоть убийцу Дэвида Гриффина, или всех его персонажей вместе взятых, но не самого Кеану Ривза, незнакомого, непознанного и потому непредсказуемого.

Об этом страшновато думать. Все равно, что, плавая на поверхности океана, в десятке километров от берега, размышлять о том, что там, под тобой, на бесконечной глуби-

не. Ты вроде бы и знаешь, что там вода, песок, растения и животные, но на самом деле, не имеешь ни малейшего представления, что именно скрывается в толще воды и какое оно на самом деле.

– Давай не будем говорить больше о Кеану! – Прокричала я капризным голосом. – А то я уже напилась, и буду плакать по нему!

Джулиан сразу вытянулся во весь свой высокий рост и угрозил мне пальцем:

– Грусть и слезы сегодня строго воспрещены! Даже страдания любви на сегодня отменяются! Поплачем вместе, потом!

– А тебе-то что плакать? У тебя уйма поклонников и поклонниц! Вот, уже есть Донни! – Вообще-то, мне не следовало об этом говорить: Джулиану не нравилось, когда кто-то совал нос в его амурные дела. Но нынче он был в самом лучшем расположении духа, и простил мне допущенную вольность. Он лишь жеманно отмахнулся:

– Да, Донни – ничего. Может быть, у нас что-нибудь получится.

Джулиан помахал рукой Еве, которая встала из-за стола, и сейчас шла к нам. Она приближалась медленно и вальяжно, расслабленно пританцовывая. Но ее лицо было сосредоточено и напряжено. Двигалась она, на самом деле, довольно тяжело.

Чмокнув Джулиана в щеку, она наклонилась к моему уху

и прошептала:

– Ты была в дамской комнате?

– Да. – Этот вопрос отмел все мои сомнения.

– Там много кабинок?

– Нет, только три, и все запираются. И еще там очень громко играет музыка, и темно. – Надеюсь, мои комментарии не были восприняты ею как намеки, которыми они, безусловно, были.

– Хорошо. А то я терпеть не могу, когда в туалете много народу!

– Нет! Там совсем никого нет! – С готовностью ответила я.

Ева тронула меня за плечо и той же вальяжной, плавной походкой направилась в сторону дамской комнаты.

Еще немного потанцевав, я незаметно последовала за ней.

Туалет так же тускло освещался парой свечей и там, действительно, никого не было. Из крана, мерно звеня, срывались крупные капли воды, вторя ритму музыки, который басовитым гулом отдавался в блестящих плиточных стенах.

Я на миг остановилась у зеркала, на всякий случай, делая вид, что поправляю прическу. Я напряженно прислушивалась. Но громкая музыка не давала мне добыть неоспоримые доказательства своих подозрений насчет Евы

Х Х Х

Я уже начала ругать себя за то, что гнусно оклеветала девушку с хорошим аппетитом, как со стороны кабинок донес-

ся приглушенный кашель. Я вздрогнула и быстро, на носочках, стараясь не стучать каблуками, пошла на звук.

Я прижималась щекой к двери каждой из кабин, вслушиваясь, пока, наконец, из последней, снова послышался глухой кашель, а потом отлично знакомый мне звук. Потом еще и еще. Сомнений не было: человека внутри этой кабинки рвало. Рвало, причем, весьма жестоко.

Я все плотнее прижимала ухо к дверце, словно боясь упустить хотя бы отзвук проявления чужой болезни, точь-в-точь повторявшей мою собственную.

В то же время я старалась не упускать из виду вход: не хотелось бы, чтобы кто-то застал меня, прильнувшей к двери кабины туалета, в которой тошнило одну из самых красивых женщин города.

Через некоторое время Ева, а это была, несомненно, она, еще раз прокашлялась, потом зашуршала туалетной бумагой и включила смыв.

Я, уже слившаяся с дверью и почти задремавшая, спохватилась и отпрыгнула в сторону. Не сообразив сразу, что делать, я метнулась в соседнюю кабинку и прикрыла за собой дверь так, что осталась узкая щель, через которую просматривались раковины и массивные зеркала над ними. Из кабинки, слегка пошатываясь, вышла, как я и ожидала, Ева.

Увидев, что в туалете никого нет, она облокотилась на одну из раковин и несколько секунд стояла неподвижно, запрокинув голову, приходя в себя. Затем она пустила воду в

кране и, зачерпнув ладонью, прополоскала рот. Она долго смотрела на свое отражение в зеркале, поправляла макияж. Должно быть, у нее от слез слиплись ресницы, и от напряжения опухли веки, так всегда бывает, но в слабом освещении, сквозь щель, этого невозможно было разглядеть.

Но даже в таких условиях было заметно, что теперь Еве сделалось значительно легче: она оживилась и активно приплясывала, пока красила губы и расчесывала свои дивные золотые волосы. Ее движения утратили прежнюю тяжесть и сделались воздушными и грациозными, какими и должны были быть.

Я вылезла из своего укрытия тотчас, как только она покинула дамскую комнату. Спустя дни, я задавала себе вопрос: для чего мне понадобилось бежать следом за Евой, для чего нужно было подслушивать под дверью и прятаться от нее в туалете? Ответа себе я так и не дала.

Вернувшись за стол, я положила себе немного креветок и съела их с преогромным удовольствием. Настроение мое, странным образом улучшилось, и меня вдруг потянуло на добрые дела.

Ева сидела рядом с довольным видом и курила длинную, золоченую сигарету.

— У тебя все в порядке? — Многозначительно спросила я.

Она поглядела на меня с некоторым удивлением, и коротко ответила:

— Да.

После этого односложного ответа, (извините, а чего еще я ожидала?) у меня на время пропало желание творить добро.

Через полчаса торжественно вынесли торт. Именинник хохотал, горели свечи, летели конфетти и серпантин, Донни вертелся вокруг Джулиана, потом они вместе свечи гасили, раздувая щеки как хомяки, и загадывали желания. Потом все аплодировали, шампанское вновь полилось рекой, официанты начали разносить торт гостям, половина из которых тут же вновь кинулись танцевать, а другая половина были уже так пьяны, что танцевать попросту не могли, поэтому поглощали торт.

Ева придвинула ближе к себе тарелку с куском торта, от которого я благоразумно отказалась. (Спасибо, Кеану! Я держу данное себе обещание!)

Она жадным взором проводила поднос с другими кусками, которые официант понес на соседний столик.

В этот момент, добродетель вспыхнула во мне с былой силой:

– У тебя точно все в порядке? – Еще более многозначительным тоном чем прежде, спросила я.

Ева вновь глянула на меня с удивлением, и на этот раз ответила вопросом:

– А что?

– Ну-у... – растерялась я. Нельзя же было так просто спросить «ты -обжора?»

– Почему ты спросила? – Ева потянула ложку с тортом ко

рту.

– Я...ты только ничего не подумай... понимаешь, – я изо всех сил старалась быть женщиной, которой можно доверять, – мне показалось, что...ты...

Взгляд Евы сделался недовольным, ложка застыла у самых губ:

– Говори скорее, пожалуйста, в чем дело?

– Короче, мне показалось, что ты страдаешь булимией! – Скороговоркой выпалила я.

На лице моей собеседницы отразилось изумленное недоумение:

– Что? Чем я страдаю? – Ложка опустилась назад, в тарелку.

– Булимией. – Повторила я. Я уже от всего сердца жалела, что завела этот разговор. Но путей для отступления у меня уже не оставалось. Ева была заинтригована и разозлена.

– Что такое булимия?

– Н-ну, это такая...болезнь, вернее,...расстройство...

– Какое такое расстройство? – Ева старалась не повышать голос, чтобы наш разговор не услышали посторонние, но ее шепот был уже истеричным.

– Это такое расстройство, когда очень много ешь и не можешь остановиться.

– Что?

– А потом идешь в туалет и плюешь все в унитаз... – Господи, как бы мне исчезнуть! Надо было держать язык за зу-

бами.

Ева некоторое время смотрела мне в глаза с недоумением. Потом, может быть, она заподозрила что-то, и ее взгляд сделался надменным и даже презрительным:

– А тебе до этого какое дело?

– Понимаешь, в этом нет ничего стыдного...

– Стыдного? – Она нервно забарабанила пальцами по столу.

– Не хочешь поговорить?

– Поговорить? С тобой? О моих проблемах? Да кто ты такая? Я тебя даже не знаю!

– Подожди, дослушай меня!

– Не собираюсь я ничего слушать! Знаешь, что я тебе скажу, милая...

– Подожди, не говори ничего! – Оборвала ее я. Когда она узнает, что я страдаю тем же, она успокоится. – У меня то же самое! Поэтому я заговорила с тобой об этом. Я не намеревалась лезть тебе в душу.

– Она не намеревалась лезть мне в душу! Вот, чудачка! – Внезапно расхохоталась девушка. – И ты, такая серая, такая невзрачная плебейка, хочешь сказать, что поступаешь, как истинные патриции, с золотым блюдом и павлиньим пером? Так я тебе и поверила! Захотела примазаться к нам, прекрасным и привилегированным? Да известно ли тебе, замурышка, что это, как ты говоришь, расстройство дано по-

знать только особам голубых кровей?! Это болезнь королевских особ! Пировать таким образом – удел царей и аристократии, а не каждого встречного поперечного лакея! Нечего мне тут лапшу на уши вешать! – Яростно шептала мне Ева, все еще не желая, чтобы остальные становились свидетелями нашей дискуссии.

– Это совсем не так! – Такого поворота я никак не ожидала. Ее слова ошеломили меня настолько, что на мгновение я даже потеряла дар речи. – Ты ошибаешься! Это болезнь! Нервное пищевое расстройство! Это надо лечить! Давай поговорим!

Ева смерила меня брезгливым взглядом, потом вскочила, схватила свой бокал и сумочку, и очень громко крикнула:

– Да, пошла ты, сучка! – Удаляясь прочь, она вышагивала горделиво, и я, как громом пораженная, продолжала смотреть ей вслед, пока ее заключительная реплика еще звенела в моих ушах: «Пошла ты, сучка!»

– Что произошло? – Подскочил ко мне Джулиан, ибо заключительную реплику засвидетельствовали все гости дня рождения Джулиана.

– Не хочешь зла – не делай добра. – Почему-то сказала я и жестом дала ему понять, что не хочу продолжать этот разговор.

Я вернулась домой далеко за полночь, усталая, обиженная и удрученная мыслью о том, что никогда больше не стану

совершать гуманных поступков и пытаться помочь кому-то в проблеме, которую пока не решила сама.

Дома без Нельсона было совсем пусто. Я пила воду на кухне, когда на глаза мне попала его осиротевшая мисочка, с остатками его любимых хрустящих подушечек. Мое сердце заныло.

Я тихо плакала в подушку, пока меня не сморил сон.

5.

С понедельника моя жизнь практически вернулась в свою нормальную колею, если не считать звонка Дэвида мне, прямо на работу, во время чрезвычайно важного совещания.

Дэвиду, видимо, совершенно нечем было заняться, и он решил пококетничать со мной, на что у меня не было ни времени, ни малейшего желания.

– Привет... – вкрадчиво начал он, видимо, боясь, что я с первого слова отправлю его ко всем чертям. Но я была воспитанной девушкой и не могла позволить себе подобной грубости. Я сжала зубы и ждала, что он скажет дальше.

– Ну, как был торт? Тебе понравился? Я вовремя?

– Откровенно говоря, – прошептала я, прижимая трубку к самому рту, чтобы не мешать ходу совещания, – ты абсолютно не вовремя! Настолько не вовремя, что я даже не могу поинтересоваться, откуда ты взял этот номер! И торт мне не понравился, потому что из-за него погиб мой кот!

– Погоди... – растерянно пробормотал Дэвид, – как это?

– Вот так! – Я хотела продолжить свою гневную тираду, но

тут меня весьма чувствительно пихнул в бок Кевин, главный консультант компании по продвижению товара. Он потыкал пальцем на свои наручные часы, а потом приложил палец к губам, свирепо вращая совершенно круглыми голубыми глазами.

Я тут же выключила телефон, не соизволив даже попрощаться.

Я не надеялась, что разговор с Дэвидом был исчерпан, и в этом была совершенно права. Он позвонил мне еще раз, когда я уже ехала с работы домой.

– Каким образом великолепный торт за сорок долларов мог убить твоего кота? – Возмутился Дэвид.

– Я не собираюсь тебе ничего докладывать! – Отрезала я.

– Хорошо. Я готов искупить вину, не знаю, правда, какую.

Как насчет поужинать вместе?

– Вот еще!

– Скажем, в пятницу!

– Фи!

– Я не понял, ты что, собираешься отказаться?

– Думаю, да!

– Ты расслышала, что я тебе предложил? Я приглашаю тебя поужинать!

– Я не глухая.

– И ты отказываешься?

Удивительно, насколько этот человек был влюблен в себя, что никак не мог поверить, что кто-то отказывался от свидания.

ния с его экстраординарной персоной!

– Представь себе, отказываюсь!

– Слушай, – не отступал Дэвид, – сегодня только понедельник. Я предлагаю тебе подумать до четверга, и в пятницу отправиться со мной в ресторан.

– Хорошо! Хорошо! – Раздраженно ответила я, мечтая только лишь поскорее избавиться от него.

На том и порешили.

С понедельника по четверг я буду исправно делать вид, что только и думаю, что о свидании с Дэвидом, а в пятницу откажу ему окончательно.

Как я как-то сказала: лучше супер Кеану в мечтах, чем заваливший Дэвид в жизни? Я была тысячу раз права!

XXX

Не успела я перевести дух после разговора с Дэвидом, как мне тут же позвонила Клара. После протокольного вопроса о состоянии моих дел, она тут же предложила мне сходить в кино:

– Фильм совсем новый. Он называется «Любовь по правилам», или что-то в этом духе, и там играет твой ненаглядный Кеану.

– Ты могла и не уточнять! – Восторженно верещала я. – Я этот фильм уже полгода жду! А я со своей работой даже и не знала, что он начался в кинотеатрах!

– Да, дорогая, со вчерашнего дня. Мы с тобой идем почти на премьеру. Я, по такому случаю, даже заеду за тобой сама.

– Когда? Когда? – Во мне все ликовало и пело, я даже подпрыгивала от счастья.

– Буквально через два часа. Ты, кстати, не возражаешь, если с нами пойдет Мария?

– Кто? – Мне было все равно, кто это. Сейчас я вытерпела бы кого угодно, включая Дэвида. Мой восторг невозможно было убить ничем!

– Та девушка, которая встречалась вчера с Тодом. Да, ты ее знаешь.

– С Тодом? Дай вспомнить. А, поняла. Пускай идет. Мне все равно. Клара, я тебя обожаю! Ты прелесть! Спасибо!

В этом фильме он играл доктора.

Когда доктор появлялся в кадре, все женщины в кинозале начинали стонать в один голос. Громче всех стонала, конечно же, я.

Клара тихонько посмеивалась надо мной, сидя рядом, однако сама вожделенно раскрывала рот, когда доктор улыбался с экрана, так сладко-сладко, что кружилась голова.

Ну как, как человек может быть таким... таким... ч-черт, не просто прекрасным, не просто обворожительным, но таким... от переизбытка чувств я даже не могу подобрать нужных слов!

Его доктор получился, пожалуй, даже слишком обворо-

жительным, даже чересчур замечательным. Невероятно замечательным, не по-земному сексуальным! Нестерпимо потрясающий доктор! Таких на свете точно не бывает!

Глядя на его лицо на экране, мне даже не верилось, что я видела живого человека, а не виртуальный образ идеала, созданного мастерами компьютерной графики.

Надеюсь, вы еще не сходите с ума от напора моих эмоций относительно великолепия Кеану Ривза?

Простите, ради Бога, просто я, когда начинаю, то никак не могу остановиться! Думаю, надеюсь, что меня поймет любая, по уши влюбленная женщина! По крайней мере, я себя понимаю. И мне себя даже немножечко жалко. Совсем чуть-чуть.

Ну, почему это наваждение произошло со мной? Почему он? Почему не официант из моего любимого ресторана? Почему не продавец пирожных в моей проклятой, ненавистно-любимой кондитерской?

Почему какая-нибудь моя знакомая спокойно может любить примитивного лысого примата, вот уже на протяжении восьми лет, и быть при этом безмятежно счастливой, а мне приходится ежеминутно страдать, разговаривая с вот этим совершенством только в моих мечтах! Почему? Почему? Почему?

На протяжении всего фильма меня безостановочно трясло. Ощущение было, будто я пристегнута за руки и за ноги и казнена на электрическом стуле. Только разряд был не убий-

ственной мощи, а легкий и слабый как от батарейки, он гулял по моему телу, вызывая мучительный, колючий озноб. Если бы я прислушалась к своим ощущениям получше, не отвлекаясь на моего экранного доктора, я бы, наверняка слышала тот характерный гул электричества. Он перетекал от правой ноги, через все тело, голову, руки, мои конечности отнимались, язык проваливался в горло и мешал мне дышать.

Все новые и новые разряды, каждый раз, когда в кадре возникало его лицо. Убили бы меня лучше сразу!!!

Из кинотеатра я вышла на ватных, онемевших ногах. Я не могла говорить, только истерично хихикала себе под нос: все, что продолжали видеть мои глаза, были черты чудесного доктора из фильма.

– Ну, как тебе? – Разомлевшим голосом спросила меня Клара, по пути на парковку, где была оставлена ее машина.

– Я готова на обширный инфаркт, даже с летальным исходом, лишь бы только взглянуть на этого доктора перед тем, как закроются мои глаза! – Мой голос внезапно осип.

Мария, которая все это время ничем не выдавала своего присутствия, кроме бесчисленных походов в туалет за время сеанса, сейчас громко хмыкнула, вложив в свой смешок весь скепсис, на который была только способна.

Клара и я удивленно повернулись в ее сторону. Мария, скривив рот, смотрела куда-то в сторону.

– А тебе, Мария, понравился фильм? – Клара не была в

этом уверена, когда задавала этот вопрос.

– Нет. – Мария была совершенно в этом уверена, когда давала ответ.

– Как?

– Полная белиберда. Моментами смешно, но довольно глупо. Без Джека Николсона фильму пришел бы конец. Я только из-за вас оставалась в зале. Пришлось без конца выбегать курить, чтобы как-то скоротать время.

– А как же доктор? – Это не я сказала, это Клара!

Мария недоуменно пожала плечами и фыркнула:

– Если честно, Карина, я вообще не понимаю, что ты нашла в этом Кеану Ривзе. Мне он вообще не нравится. Впервые, он страшный! Откровенно и неприкрыто безобразный. Китаец какой-то.

– Мария, где твоя толерантность?! – Негодовала даже Клара. Я так вообще, была готова провалиться сквозь землю, чтобы только не накинуться на Марию с кулаками.

Между тем, та с жаром продолжала:

– Ну посмотрите на него! Объективно посмотрите! Вы видели его нос?! – Она сморщилась. – А улыбка? Улыбка у него вся насквозь фальшивая! А про эти маленькие, узенькие, черненькие глазенки, я так вообще молчу! И дерганый весь какой-то! Невротик! Как его вообще взяли на эту роль?

Ее слова повергли меня в шок. Я остановилась как вкопанная и не могла сделать больше ни шагу. Эта девица только что попраля, разве только не истоптала ногами, все то, перед

чем я благоговела! Этот нос! Этот боготворимый мною рот! Эти фантастические глаза!!! И эту уникальную, импульсивную порывистость движений, которой не обладал больше никто, которую я в нем обожала!

Насколько же мы, все-таки, узки и субъективны, если совершенство для одного оказывается воплощением безобразия для другого!

– Так, вы знаете, девушки, – Мария увлеклась, и ее было уже не остановить, – у него, по-моему, еще и не все дома! Он весь зашитый-перешитый после миллиона аварий. Вы же в курсе, что он на мотоцикле ездит там, по своему Голливуду? Так вот, он весь, с головы до пят в шрамах, и еще, он не женатый, по-моему, до сих пор, и на публике почти не показывается! Я его фотографии в одной газете видела, так он там просто ужас! Бородатый, волосатый, в каких-то ужасных ботинках! Кошмар! Я вам говорю, он какой-то маньяк. Это точно. И я еще читала, что в каком-то интервью он заявил журналистам, что он – Микки Маус. Микки Маус! Теперь скажите мне, что он не маньяк.

Каждый видит то, что хочет видеть – тщетно успокаивала себя я.

Можно посмотреть на простое куриное яйцо и увидеть в его однородной, каплевидной белизне что– то свое. И быть по-своему правым. Невозможно быть любимым всеми. И не нужно. Она имеет право на свое мнение. Она имеет право видеть в нем то, что ей хочется, и думать то, что ей нравится.

В конце концов, кто такая Мария? Несчастливая девушка, которая давно потеряла свою репутацию из-за того, что ходила на сто свиданий и девяносто девять из сотни парней сбежали от нее еще во время ужина в ресторане! Разве можно воспринимать ее слова всерьез!

Но из моего рта рвался бешеный выкрик: «Твой Тод зато не маньяк! Тод, конечно, краше Кеану! Тод! Тод!»

Но я призвала на помощь всю свою выдержку, и бешеный выкрик был с трудом проглочен. Я только икнула.

– То ли дело, Бен Аффлек! – Сквозь туман своих бесчисленных мыслей, услышала я мечтательный голос Марии.

Почему-то, именно эта реплика внезапно умиротворила меня.

XXX

Еще через двадцать минут мы уже заседали в модной кофейне, где мне был подарен тот злосчастный торт, что убил Нельсона. Причина нашего полуночного кофе была не менее злосчастной: Марии необходимо было излить свои жалобы на Тода, который, как можно догадаться, вчера сбежал от нее еще в ресторане.

Она неустанно жаловалась, что все пошло наперекосяк с самого начала: при встрече он назвал Марию – Камиллой. Пообещав ей модное заведение «Бонд Кафе», на деле он выбрал самое неподходящее место – дешевую китайскую забе-

галовку в торговом центре, где было полно народу, не подавали хорошего вина и не ставили свечей. Он твердил, что страшно занят и у него мало на нее времени; он совершенно не оценил наряда с распродажи, на который она копила деньги всю неделю, отказав себе в шоколаде, проезде на такси и новых занавесках для кухни.

Она жалела своих нервов и времени, которые она потратила на поиски хорошего мастера по эпиляции. Она сетовала на то, что ей не хватило денег, чтобы пройти необходимый курс антицеллюлитной терапии.

Мария хотела быть совершенной на своем очередном свидании, ибо верила, что на сей раз, свидание тоже должно было стать совершенным, ибо совершенным она считала Тода. Впрочем, как и всех тех, кто был до него.

На самом деле, все случилось совсем не так, как она себе это представляла. Он привел ее **не** туда, он общался с ней **не** так, и он **не** оценил ни наряда, ни ее совершенства. Из-за всего этого, бедная Мария совсем растерялась и была сама не своя за ужином, волновалась, вела себя как полная дура, наговорила ему много глупостей и, в итоге, он сказал, что пошел в туалет, и бесследно исчез.

Может быть, он был вовсе не таким совершенным, как сначала решила Мария, а, может быть, дело было в ней, но ведь все еще можно исправить. Ему можно позвонить, его можно разыскать. Хоть когда-нибудь. Если, конечно, он не будет занят, ведь он так много работает. Но у всех должен

быть второй шанс. Нет, конечно, она в любом случае, желает ему счастья, но ведь он мог бы быть счастлив только с нею!

А знаете, что? Конечно, с одной стороны, любовь к звезде – полная трагедия: каждую секунду этой любви ты обязана помнить, что у тебя нет ни второго, ни первого шанса – настолько она невозможна, настолько далек и недостижим твой избранник. Всеми фибрами души ты пытаешься желать ему счастья, лицемерно представлять какую-нибудь диву рядом с ним. Но, на самом деле, ты уверена в том, что только ты одна могла бы его осчастливить, и ты не устаешь безумно ревновать его ко всему, что движется, приходя в неопишуемый ужас от одной мысли о том, сколько красавиц окружает его каждый день!

Слово «никогда» – самое трагичное в любви к звезде. Ему нельзя позвонить, его невозможно разыскать. «Никогда» – слово совершенно справедливое и абсолютно неприемлемое! Слово – убийца, слово – яд.

Но, с другой стороны, любовь к звезде имеет свои совершенно неоспоримые преимущества. Она чрезвычайно удобна.

Во-первых, у нее нет недостатков. Это та любовь, которую можно себе выдумать по своему собственному сценарию. Она может случиться в Париже, на Мальдивских островах или в лесах Амазонки. В роскошном ресторане, или на палубе белоснежной яхты. Там, где ты всегда мечтала. Там он может быть ошеломлен твоим совершенством и называть

тебя по имени, или «киской», или «супер секс машиной» – как тебе больше хочется!

Во-вторых, тебе не надо переживать перед первым свиданием. Не надо срочно бежать на эпиляцию, не надо покупать платья и противозачаточные средства и не надо волноваться, что он уйдет с первого свидания раньше, чем ты успеешь преодолеть свою стеснительность и полностью раскрыться, показать ему, что ты – самая-самая.

В-третьих, у Него действительно нет недостатков. Не имеет значения, кто он и как его зовут: кинозвезда Кeanу Ривз, боксер Майк Тайсон или певец Джастин Тимберлейк. Он совершенен, и это самое главное! Он как раз такой, о каком ты всегда мечтала. Он не курит, не смотрит футбол, не кидает носки под кровать, не замечает твоего целлюлита, не опаздывает на свидания, никогда не скажет тебе грубого слова. И он всегда, абсолютно всегда для тебя свободен и готов на романтические подвиги!

И что самое главное – ввиду всего этого, тебе не надо вечно копать в проблеме, ибо таковой попросту нет! Не надо думать, кто из вас допустил оплошность, и что теперь делать, чтобы все исправить. Не надо корить себя за каждое, на твой взгляд, неуместное слово, за каждый неуклюжий жест, не надо переживать, придет ли он к тебе еще или нет, и не надо мучиться, решая, достоин ли он тебя, в конце концов!

Все идеально.

Ты придумала его, своего героя, самого лучшего на всей

земле, и ты продумала вашу любовь до последнего вздоха, все до мелочей, чтобы в полной мере наслаждаться своим волшебным романом, дос

тойным самого зрелищного фильма и самой душещипательной книги!

Но знаете, что самое отвратительное?

Самое отвратительное заключается в том, что после того, как ты себе полностью придумала образ своей звезды, своего идеального возлюбленного, ты начинаешь по нему отчаянно скучать.

Ты готова залезть на стены от тоски по нему, но тебе некому даже рассказать об этом, не с кем даже поделиться: «Знаешь, я так скучаю по Орландо Блуму»... ну и чушь!

Ну, может быть, когда тебе четырнадцать, твои подружки тебя поймут и вздохнут вместе с тобой, каждая по своему герою. Но если тебе больше двадцати пяти, то плохи твои дела...

Тем временем, Мария, окончательно раскиснув, продолжала жаловаться, и делала это с упоением, и очень долго. Клара активно кивала головой и внимала ей со всем старанием, боясь упустить хоть полслова, чтобы завтра сделать очередной провал Марии красочным достоянием общественности.

Мимо проскальзывал час за часом, от огромного количества кофе мои глаза сначала вылезли из орбит, а потом отяжелели, начали закрываться, и меня нещадно потянуло в сон.

И тогда, перед моими глазами, естественно, возник Он. Я прокручивала в своей памяти кадр за кадром, сцену за сценой, из увиденного мной фильма, и плавно погружалась в блаженный транс.

Клара ткнула меня в бок, чем беспардонно вытолкнула меня из ласковой пучины нового океана, который требовалось нанести на мою личную карту мира с подписью «Мировой Океан Кеану».

– А ты что скажешь? – требовательно спросила она. Ей необходим был моментальный, универсальный и на сто процентов эффективный совет.

– А что я могу сказать? Не знаю. – Вяло ответила я, про себя негодуя, что меня вообще ввязывают в это дело. Что я понимаю в отношениях едва знакомых мужчины и женщины? Действительно, ну что я могла сказать дельного по поводу Марии и Тода? Ведь мне и дела до них никакого не было.

– Опять она ушла в себя! Слушай, я все понимаю, но ты уже достала всех своим Ривзом! Даже меня уже достала! Опустись на землю, дура! Посмотри вокруг себя! Посмотри на себя! Какой Ривз!

– Тише! Тише. Клара, замолчи. Пожалуйста. Не порть такой чудесный вечер.

– Этот вечер только для тебя одной чудесный! Чтобы я сдохла в тот момент, когда решила сделать тебе что-то приятное и пригласить тебя на этот фильм! Как я забыла, что ты после того как помотришь на его физиономию, делаешься

невменяемая! Выкинь его из головы! Выкинь! Ты никогда его не увидишь, понимаешь? Никогда! Ты живешь от него через океан! Нет, ты живешь от него через целый космос, который не пересекут никакие звездолеты! Занимайся собой! По нему сохнут тысячи баб! А он один такой на всем белом свете! Даже если бы все его поклонницы выстроились в очередь, и он уделял каждой по десять минут, до тебя бы очередь дошла только лет через двадцать, к тому времени, когда у тебя развилась бы близорукость и слабоумие, и ты даже не разглядела его лица, и не поняла, кто вообще перед тобой!

– Хорошо, хватит! – Не выдержала я. Лишнее напоминание про «Никогда» было слишком болезненным. Я все равно верила, что теоретически, все на свете возможно.

– Ну, так скажи что-нибудь!

– Я просто не могу дать никакого иного совета, кроме как ничего не ждать, попробовать быть собой, и не пытаться скорчить из себя еще кого-то! Теоретически все на свете возможно.

Клара и Мария посмотрели на меня как на умалишенную, потом переглянулись и пожали плечами, что подразумевало: «Что с нее возьмешь – она сумасшедшая!»

Но их мнение меня не заботило.

Я неожиданно бросила взгляд на знакомую мне витрину с аппетитными десертами, и сразу вспомнила, что и сегодня у меня не было проблем с булимией. Моя душа заликовала, и я в очередной раз пожелала Кеану Ривзу долгих лет счаст-

ливой жизни. Даже если он маньяк. Какая мне разница!

XXX

Мы возвращались домой в полном молчании. Каждая из нас думала о чем-то своем, или о ком-то своем. Я сидела на заднем сиденье, и могла, наконец, расслабиться и освободить свою голову от обрывков чужих реплик, особенно тех злых и обидных, что не давали мне покоя, и неприятно покалывали мое сердце последнюю пару дней. Одну за другой, я вытаскивала эти занозы из себя: презрительные крики Евы, насмешки Дэвида, слова Марии. Я вытягивала их из своей памяти, медленно и аккуратно, стараясь не оставить там ни единой щепочки, которая могла бы продолжать делать мне больно. Это было сложно и болезненно до маленьких, жгучих слезинок в уголках глаз. Но я должна была справиться с этим, чтобы стало легче. Пройдет еще немного времени, и микроскопические ранки от заноз зарубцуются в моей памяти, и я буду только посмеиваться, вспоминая все то, что недавно расстраивало меня.

Только одну занозу я, как ни старалась, пока не могла исторгнуть из своей памяти: ту ночь, когда я убила Нельсона. Стоило мне вспомнить об этом, как к горлу подступил ком. Я отчетливо услышала, как хрустнули кошачьи косточки, и мне неистово захотелось отрубить себе пальцы. Слезы уже начали душить меня, но я сдержала их, потому что Клара

лихо затормозила, прямо у подъезда к моему дому.

Спала я плохо: меня мучили сны о прекрасном докторе со стаканом зеленого чая в руках, который вдруг оказывался маньяком в ужасных ботинках и гонялся за мной с бейсбольной битой, а потом он ронял свою биту и превращался в пушистого, рыжего кота. Кот прыгал мне на лицо и низким, глуховатым голосом сообщал мне, что его хозяйка убила его, задушила голыми руками.

6.

Среда выдалась ужасной!

На работе началась какая-то проверка, и все сделались сами не свои, как будто выжили из ума. Обычно жизнерадостные и миролюбивые люди сделались агрессивными, нервными, и использовали каждый шанс, чтобы поорать друг на друга. С утра не прекращалась суэта, все бегали из стороны в сторону, не переставая скандалить, из-за чего совершенно переставали соображать, забывали, куда и зачем они бежали, и путали все, что могли.

А в полдень, ни с того ни с сего, к нам в студию ворвался старший ассистент президента фирмы, по имени Конор, и набросился на меня с целым потоком обвинений в халатности и некомпетентности. Он кричал так громко, говорил так быстро, и жестикулировал так бурно, что для меня так и осталось загадкой, в чем, собственно, заключалась моя вина.

Джулиан, который в это время сидел за своим столом и

задумчиво рисовал эскизы на больших, белых листах, вдруг вскочил со стула, скинул большие белые листы на пол и принялся ожесточенно их топтать, что-то крича себе под ноги, на итальянском. А потом бросился на Конора с кулаками. Они не подрались только потому, что я храбро влезла между ними и получила от Конора удар в челюсть, который предназначался Джулиану. На этом претензии Конора лично ко мне были исчерпаны, а Джулиан вспомнил, что он философствующий эстет и никогда не вступает ни с кем в конфликт. Так они и разошлись. Даже не поинтересовавшись, уцелели ли в стычке мои зубы.

Так что, мое состояние могло быть ужасным само по себе, но его еще ухудшала мысль о еде. Назойливая, туманом застилающая все остальные мои мысли. Она была похожа на липкую паутину, что опутывала меня со всех сторон. Даже мысли о Кеану отошли на второй план. Я слушала вопли Конора и думала о еде. Я подбирала с пола затоптанные эскизы Джулиана и думала о еде. Я выполняла сотни каких-то поручений и выслушивала десятки чьих-то реплик, но внимала только мыслям о гамбургерах, пончиках, пицце, жареных курицах и мороженом с шоколадом. Моя бездонная бочка, опустевшая за последнее время, гнусаво трубила, как будто возомнила себя иерихонской трубой.

Есть, есть, есть, объесться! И последствия меня не волнуют! Я не нарушу своего обещания, я буду превозмогать себя и дальше! Но один раз. Всего один разочек объемясь, и все! И

больше – никогда! Это не болезнь, это просто моя прихоть! Можно было бы объесться огурцами, но это будет совсем не то! Нет, овощам здесь не место. Мне нужно все жирненькое, вкусненькое, с вязкими соусами и липкими сиропами!

Я представляла себе, как заеду в пиццерию, куплю там самую вкусную пиццу, а лучше – две! Потом – в Макдоналдс, у них такое мороженое – жирню-ю-ющее и такое сладкое, что скулы сводит. Как раз то, что нужно моей бочке. Оттуда – за пончиками с кремом, и, наконец, в кондитерскую. Возьму шоколадный торт.

Господи, да что же это за ужас!

Я опомнилась в лифте, по пути в кабинет Президента компании, которому я несла какие-то отчеты. К моему ужасу, я даже не сообразала, какие отчеты я ему несла, зачем, и кто их составлял! Только жрать, жрать, жрать! Думаю, если так и дальше себя сдерживать, то меня начнет ломать, как наркоманку!

Надо бежать из дома! И ездить по тем улицам, на которых нет ни пиццерий, ни фаст-фудов, ни кондитерских!

Но каждый вечер, сразу после работы я подъезжала к супермаркету и долго смотрела на его двери, не выходя из машины. После, я направлялась к своей любимой пиццерии и делала то же самое.

У меня случилось какое-то раздвоение личности: одна часть меня рвалась прочь из машины, живописуя моему голодному воображению дымящуюся пиццу, с хрустящей ко-

рочкой, ароматными грибами и тягучим сыром. Часть вопила дурным подсознательным голосом, требуя еды.

Но вторую часть меня словно держал за руку воображаемый Кеану, помогая мне сохранять выдержку. И, пока что эта, вторая часть, оставалась сильнее, я разворачивала машину и ехала домой, есть капусту с морковкой.

Но, несмотря на это, настроение мое становилось все хуже день ото дня. Мне было страшно думать, сколько еще времени воображаемый Кеану сможет удерживать за руку мою разумную половину. Срыв представлялся мне неизбежным, и мысль о бессмысленности моего воздержания угнетала меня все сильнее.

По вечерам я старалась себя чем-нибудь отвлечь, но любые занятия утратили для меня свой интерес. Меня спасали только друзья, которые каждый вечер празднично проводили время в каком-нибудь баре и пока еще были рады меня видеть. После стакана пива на пустой желудок, монстр внутри меня начинал особенно бесноваться, но в барах, как правило, еду не готовили, так что со временем, он успокаивался. А мне, болтая с друзьями, было легче дождаться его успокоения. Я, правда, подозревала, что через неделю или две, все мои друзья перестанут со мной общаться из-за того, что после второго стакана пива я начинала говорить только о Кеану Ривзе, всячески пытаясь пресекать любые другие разговоры. Друзья терпеливо слушали меня, машинально кивали, давили зевоту и удрученно переглядывались.

– Вот чему я завидую... – Тяжко вздохнув, сказал как-то Джек, один из моих приятелей, вечно озабоченный поиском подружки. Своей репликой он нарушил долгое молчание, которое воцарилось из-за моей очередной нескончаемой тирады относительно какой-то из ролей, сыгранных Кеану.

– Чему? – Я была счастлива оттого, что кто-то, хоть раз поддержал диалог.

– А тому, что Кеану Ривзу, для того, чтобы подцепить любую, самую шикарную цыпочку, не надо делать вообще ничего. Ну, вообще! Просто подойти, посмотреть на нее вот так... – уставившись мне в глаза, он задрал вверх левую бровь и выпятил нижнюю губу. Выглядело это весьма театрально.

– И что? – Я нервно хохотнула и быстро отвела глаза.

– И сказать: детка, мне нет надобности представляться, не так ли? Ты и так видишь, что перед тобой Кеану Ривз! Пойдем-ка со мной! И она уже бежит. – Джек снова тяжело вздохнул и вперился взглядом в свою бутылку пива.

И вновь воцарилось задумчивое молчание. Они просто терпели меня, но терпение не бывает бесконечным.

И я отдавала себе в этом отчет, хотя поделаться с собой ничего не могла: вышло так, что, сдерживая одну из своих маний, я мощно стимулировала другую.

Кеану мерещился мне на каждом шагу. Мысли о нем не выходили у меня из головы. Его лицо снилось мне по но-

чам, на мои глаза наворачивались слезы, стоило мне про себя прошептать его имя. Я ловила себя на том, что окидывала пристальным взглядом киоски с журналами, тщась разглядеть на какой-нибудь обложке его очертания. Я не могла смотреть дома фильмы с его участием, потому что руки мои начинали трястись, а к горлу подступал ком, едва я брала в руки видеодиск.

Из-за всего этого я перманентно находилась в полуистерическом состоянии.

Как-то вечером дошло до того, что я не поленилась и отправилась в библиотеку за тем, чтобы найти журнал с Кеану на обложке, который мне испортил покойный Нельсон. Я нашла тот журнал, и я украла его из библиотеки, запихнув себе под свитер.

XXX

Надо было что-то делать со своим настроением, со своим временем и со своими друзьями, у которых уже начиналась тихая истерика при любом упоминании о Кеану Ривзе.

Желая как-нибудь себя занять, отблагодарить своих друзей за уделяемое мне внимание, а заодно, задобрить их на будущее, я пригласила всех к себе на вечеринку, в четверг.

Понимая, что закупка продуктов и подготовка угощения станет для меня настоящим испытанием, я попросила помощи у младшего брата Клары – рыжего Эдди, смешливого па-

ренька с живыми, зелеными глазами.

Этот мальчик был мне бесконечно симпатичен: не в пример болтливой Кларе, Эдди можно было доверить любой секрет, который из него не вытащить и клещами, и он всегда готов прийти на помощь, чем я беззастенчиво пользовалась, когда надо было забить гвоздь или починить унитаз. И еще, он искусно делал из бумаги разных трогательных зверюшек.

– Оригами! – С терпеливой улыбкой повторил Эдди, вручая мне милого бумажного журавлика. Как мы и договаривались, он стоял у двери моей квартиры в среду, ровно в семь, чтобы поехать со мной в супермаркет. Я была почти готова к выходу.

Один вид славного, открытого лица Эдди помог мне позабыть о перипетиях на работе и навязчивых мыслях о срыве, которые, ужас как замучили меня.

– Прости, Эдди. – Я виновато пожала плечами. – Никак не могу запомнить это название.

Он подмигнул своими блестящими, зелеными, как яблочные леденцы глазами, и сказал, что я могу не торопиться – он будет ждать меня внизу.

Пока мы ехали в магазин, Эдди рассказывал мне что-то очень интересное об азиатской мифологии. Я, к своему стыду, совсем не запомнила, что именно. Я поглядывала на него украдкой и чувствовала к нему мягкую, почти материнскую нежность: нелепая клетчатая рубашка равнодушного к мелочной суете, спутанные вихры увлеченного жизнью, взгляд

с восторгом глядящего в лучезарное будущее, и большое, любящее, очень доброе сердце настоящего романтика. Ему всего двадцать.

Несказанно повезет какой-то юной девице, не такой идиотке как я.

С чем, все-таки, связано мое пристрастие? Рядом со мной, каждое мгновение моей жизни, ходят сотни таких вот Эдди, заслуживающих любви не меньше, чем звезды! А, может быть, даже больше. Почему такие как я, предпочитают восторженно смотреть только на единственное солнце, слепнув от его беспощадного сияния, вместо того, чтобы опустить взгляд на прохладную землю, где можно найти убежище под кронами многочисленных деревьев, зеленых, как сама надежда?

– А знаешь, – вдруг ни с того ни с сего сказал Эдди, уставясь в окно, – ведь Тод был братом Теда, с которым Мария встречалась до Тода.

Я удивленно посмотрела на Эдди, но тот продолжал водить пальцем по запотевшему стеклу.

– А Тед, в свою очередь – друг Шейна, а Шейн – племянник Пола. Пол – друг Скотта. Ты их не знаешь, просто с ними Мария тоже встречалась.

– Так получается, они водили Марию за нос?

– Да, у них было что-то вроде игры. Следующим будет Уилл. И еще своей очереди ждет Джонни.

– Откуда ты об этом знаешь?

Юноша пожал плечами:

– Мир слухами полнится.

– Ты рассказывал это самой Марии?

– Нет, я с ней не знаком.

– А почему ты не сказал об этом Кларе?

Он пристально поглядел на меня:

– Разве Кларе можно что-то сказать?

– Тогда почему ты сказал это мне?

– Ты – другая! – Эдди улыбнулся, как мне показалось, немного смущенно.

Бесконечному хождению по рядам магазина Эдди радовался, как захватывающему приключению. Он бодро толкал нагруженную тележку впереди себя и, то и дело, деловитым тоном комментировал мой выбор чипсов или конфет, предлагая, по его мнению, более достойные.

Я с готовностью следовала его рекомендациям и неустанно благодарила Клару за ее непосредственного брата.

Эдди оказался настолько мил, что вызвался не только затащить покупки ко мне в квартиру, но и на следующий день снова поджидал меня с работы, под дверью квартиры, полный решимости помочь мне приготовить все для вечеринки.

Я не могла отказаться от щедро предложенной помощи. Парень даже представить себе не мог, насколько неоценимы были для меня его услуги.

Однако моя бездонная бочка со мной не согласилась. Ее приводил в бешенство один вид юноши, который метался по кухне, готовя закуски, которыми она, моя бочка, не имела шанса насладиться. Она была готова разорвать меня на части, и чтобы ее бешенство не вылилось на Эдди посредством моего внезапного и не заслуженного им хамства, я поспешила удалиться в гостиную и заняться сервировкой.

Закончив с едой, Эдди живо притащил откуда-то стрелянку и украсил всю комнату гирляндами и шариками, которые подвешивал к потолку и стенам разноцветными ленточками.

Тем временем, я расставила свечи и масляные лампы по всей квартире. Когда все было готово, в моем доме воцарилась атмосфера настоящего праздника, так спонтанно организованного.

В центр стола для фуршета мальчик водрузил огромное, овальное блюдо, плотно уставленное японскими суши, приготовленными им собственноручно.

XXX

Только мы успели закончить со всеми приготовлениями, как дверной звонок зазвонил, и больше не переставал звонить, еще в течение двух часов, затихая лишь на какие-то секунды, пока я открывала и закрывала двери.

Гостей пришло много. Больше, чем я ожидала. Эдди,

прежде испросив моего согласия, пригласил целую компанию своих, таких же молоденьких друзей и подруг, и теперь они неумеренно пили пиво и виски и забавляли моих приятелей брэйк-дансом, ловко исполняемым прямо на полу. Среди них был синеглазый Эллен, начинающий ди-джей, который в мгновение ока настроил свои вертушки, водрузил на голову огромные наушники, и началась музыка.

Джулиан пришел, естественно, с Донни, а заодно они прихватили с собой Мариеллу и еще человек десять с нашей студии.

Это действительно получился настоящий праздник. Честно говоря, я даже не представляла себе, что домашние посиделки могли превратиться в поистине фееричное мероприятие, на которое, соблазняясь веселым гамом, сбежалась вся молодежь нашего дома.

Сначала я переживала, что закуски закончатся на пятой минуте вечеринки, но почти каждый, кто переступал порог моего дома, держал в руках либо коробку с пиццей, либо торт, или просто пакеты с чипсами и пиво. В итоге, еды сделалось в пять раз больше, чем могли съесть все присутствующие.

И здесь меня подстерегала ловушка. Увлеченная весельем, я поддалась иллюзии: я забыла о том, что не такая как все. Я напрочь позабыла о том, что, в отличие от тощей Мариеллы, не могу безнаказанно слопать пачку чипсов, заесть их сладким арахисом, а потом закусить еще и куском пиццы.

Вернее, я могла бы съесть все это. Для начала. Но после куска пиццы, я бы уже не остановилась.

И я не остановилась. Непринужденно танцуя вокруг стола, я безостановочно забрасывала в рот все, что попадалось мне на глаза. Это происходило так естественно, так легко, что я совсем не задумывалась над тем, чего и сколько было уже мною поглощено.

Я опомнилась только когда очередное суши застряло у меня в горле только потому, что ни в желудке, ни в пищеводе уже не осталось места. И суши с креветкой зачихнулось в меня только наполовину. Тело креветки пролезло мне в глотку, тогда как хвост продолжал торчать во рту. Я уже не могла вытащить креветку изо рта, но и проглотить суши тоже не представлялось возможным.

Вокруг меня пила, ела, танцевала, хохотала и веселилась целая толпа народа. На миг я люто возненавидела их всех за то, что не могу немедленно пойти в туалет и опорожнить свой желудок.

Я ненавидела их всех за то, что они заявили в мой дом, да еще притащили с собой свои треклятые закуски, из-за которых я умудрилась забыть о своем обещании.

Я ненавидела их за то, что под покровом праздника, который они с собой принесли, моя болезнь троянским конем пробралась ко мне и в очередной раз одолела меня. Воспользовалась тем, что мой разум спал, и захватила меня без боя, без сопротивления.

Я ненавидела их за то, что они не знали, как мне было плохо все минувшие дни, и еще за то, что возможно, завтра мне стало бы уже лучше, но это завтра теперь наступит не скоро.

Вмиг протрезвев, я металась по квартире, тщетно пытаюсь решить, что же мне следовало делать.

В каждой комнате были чужие люди: в спальне, развалясь на моей постели, болтали модели, в кухне пьяные друзья Эдди плясали свой брэйк-данс, в кабинете философствовали Джулиан, Донни и какие-то мои соседи, а в туалете в унисон стонали, как я поняла, синеглазый Ди-джей и Мариэлла. Мариэлле можно было понять: Эллен был хорош собой, а виски на столе стояло очень много.

Но что делать мне?! Меня лихорадило оттого, что положение казалось безнадежным, так как уходить из моей квартиры никто еще не собирался.

В моей голове закопошились самые нелепые варианты: затолкать всех в гостиную и запереть там на ключ, пока я не закончу в туалете; попроситься в туалет к соседям; выбежать на улицу и, сделав это, спрятавшись в кустах; спрятаться на балконе и сделать это в пластиковый пакет! – Этот вариант показался мне самым унижительным.

Тем временем, мой желудок начал трещать по швам, сигнализируя мне об этом ноющей болью и одышкой. В квартире решить свою проблему я не могла. Попроситься к соседям было неприлично. К вящей радости, я вспомнила, что через

дорогу от моего дома находился захудалый вьетнамский ресторан, который был открыт двадцать четыре часа в сутки.

Я схватила в прихожей свой плащ, пробормотала по поводу своего ухода что-то нечленораздельное Эдди и, перепрыгивая через три ступеньки, сломя голову бросилась туда, куда не заходила еще ни разу в жизни. В данную минуту, тот пустующий и тускло освещенный ресторанчик казался мне единственным пристанищем, где я обрету чудесное спасение и утерянный покой.

Чтобы воспользоваться туалетом, не привлекая к себе лишнего внимания, необходимо было что-то заказать. Я решила взять какую-нибудь закуску и отнести ее домой. Тогда мне не надо было бы никому объяснять, куда и зачем я ходила.

Ни одно из приведенных в меню названий, не было мне даже отдаленно знакомо. Я потела и злилась, так как не понимала ровным счетом ничего, ведь мои мысли были заняты только унитазом. На мою беду, весь обслуживающий персонал ресторана оказался чересчур услужливым и, преисполненные гордости за свою национальную кухню. Все, от уборщицы до поваров, сбегались ко мне, чтобы подробно разъяснить, что есть что в меню, и с чем его едят. Как на грех, меню было весьма емким.

Потеряв остатки терпения, я резко заявила, что возьму два блюда на их усмотрение, и тут же осведомилась о местонахождении туалета.

Я бросилась в указанном направлении с такой прытью, будто за мной гналась сама смерть.

Я и представить себе не могла, что туалет был отделен от кухни лишь тонкой перегородкой.

Когда опухшая, с колотящимся сердцем и воспаленными глазами, но опустошенная и умиротворенная, я распахнула дверь кабинки, то увидела, что весь персонал ресторана стоит напротив, выстроившись в шеренгу, и ждет от меня лишь знака чтобы прийти мне на помощь. Сначала бедные люди думали, что сами довели меня до дурноты своими навязчивыми разговорами, а через несколько минут моих сбивчивых объяснений, они почему-то решили, что я наркоманка. С каменными лицами они выдали мне упаковки с заказом, без единого слова отдали сдачу, и все демонстративно повернулись ко мне спиной.

Мне было стыдно за себя, когда я покидала ресторан.

Я ненавидела себя, когда входила в подъезд своего дома.

Я позабыла обо всем, когда вновь попала в безудержный праздник, что царил в моей квартире.

XXX

Вьетнамские салаты были приняты с восторгом и уничтожены в одну минуту.

Желая проверить, до какого состояния гости довели мое жильё в отсутствие хозяйки, я отправилась на кухню. Там,

как я и ожидала, творился полный хаос. Везде громоздились горы грязной посуды, по полу были разбросаны остатки пищи: видимо, юные танцоры на спор сбивали куски еды с тарелок, когда выдывали ногами свои немислимые пируэты. Кто-то потушил несколько сигарет о пол, оставив на нем жженые пятна, вся мебель была залита чем-то цветным и очень липким.

Я взирала на все это с ужасом, понимая, что та же участь ждет все остальные комнаты. От затылка, вниз по позвоночнику, медленно прошел холодок. Череп словно сдавили раскаленным стальным обручем. Голова закружилась, тело прошиб холодный пот. Пол ускользал у меня из-под внезапно ослабевших ног. Мне надо было немедленно присесть. Я не могла удержаться в вертикальном положении, поэтому тут же опустилась на пол, угодив во что-то мокрое и холодное.

Ко мне, откуда ни возьмись, кинулись Эдди и Джулиан:

– Эй, Карина, – суетились они, – с тобой все в порядке?

– Да, – слабо бормотала я, хотя чувствовала, что вот-вот потеряю сознание.

– Ты устала! – Авторитетно заявил Джулиан, пока Эдди, надрываясь, поднимал мое обессиленное тело. – Вечеринка чересчур затянулась! Пора заканчивать! – И он побежал в гостиную, откуда доносился топот и гомон танцующих.

– Не волнуйся, Карина! – Бормотал Эдди, таща меня в спальню. – Я все уберу. Не волнуйся. Вечеринка получилась просто супер!

– Не надо... – простонала я. По моему лицу и спине стекал липкий, противный пот. Перед глазами плыли пятна.

При виде нас, модели повскакали с моей кровати, и Эдди тяжело сбросил меня на покрывало:

– Ты отдохни! Слышишь? Там уже Джулиан распоряжается.

В самом деле, я слышала, как итальянец хлопал в ладоши, привлекая к себе внимание, а потом своим густым, хорошо поставленным голосом просил всех разойтись по домам, ибо шел уже пятый час утра.

Растерянные модели еще побродили вокруг кровати, не решаясь ничего сказать и не решаясь уйти, но потом, потеряв интерес к моему неподвижному телу, на цыпочках вышли из комнаты и затворили за собой дверь.

Я закрыла налившиеся чугуном веки и немедленно провалилась то ли в сон, то ли в забытие. Сквозь это странное состояние я могла разобрать гул голосов гостей, которые неохотно расходились, а потом звон тарелок на кухне и шум воды. Мне мерещилось, что я слышала голоса Донни и Джулиана, и звонкий смех Эдди.

Мне виделся Кеану. Он стоял у моего изголовья и глядел на меня с молчаливым укором. Я почти ощущала его запах, такой, каким я себе его представляла: дурманящий, чуть горьковато терпкий, смешанный с ароматом крепкого табака, горячий, влекущий.

Меня осторожно разбудил брат моей подруги:

– Карина, мы все убрали. Все чисто. Мы пойдем, ладно?

Я открыла глаза. За окном брезжил сероватый рассвет. Надо мной склонился Эдди. В прихожей было слышно, как тихо переговаривались Джулиан и Донни. Значит, их голоса мне не слышались.

– Большое спасибо. Что бы я без тебя делала? – едва слышно прошептала я.

Эдди застенчиво улыбнулся и взял меня за руку. Вдруг, воровато оглянувшись в сторону, откуда доносились голоса, а потом порывисто наклонился и крепко прижался своими мягкими, теплыми губами к моему рту, сильно сжав при этом мою ладонь.

Я встрепенулась и, громко замычав, оттолкнула его руку. Эдди отпрянул, его лицо густо залилось краской. Он еще секунду испуганно и одновременно восторженно глядел на меня, блестя глазами зелеными, как яблочные леденцы, потом нервно махнул рукой и выбежал из комнаты. В прихожей хлопнула дверь. Воцарилась полная тишина.

На работу на следующий день я не пошла. Джулиан разбудил меня своим звонком в полдень, заботливо справился о моем самочувствии и милостиво предложил мне отдохнуть сегодня.

7.

Сегодня была пятница.

Положив трубку, я долго лежала в постели, не шевелясь. Только сейчас я заметила, что полностью одета. Вчерашний макияж засох на моем лице, как слой штукатурки. В воздухе повис тяжелый смрад табака и алкоголя. Отвратительно. Надо было отправлять всех курить на балкон или на улицу. Отвратительно. Я боялась представить, что творилось в моей квартире после ночного веселья. Это должно быть страшно. Стоило ли жертвовать собой и своим жилищем только ради того, чтобы друзья подольше делали мне одолжение, выслушивая мои монологи о Кеану? Нужны ли мне вообще такие друзья, ради дружбы которых необходимо чем-то жертвовать?

Вылезать из постели мне не хотелось, хотя больше всего на свете мне сейчас нужен был душ.

Пересилив свое отвращение к себе и ко всему миру, я все же выбралась из постели, распахнула окно, и, пошатываясь, вышла из спальни.

Тут-то меня ожидал сюрприз, которого я никак не ждала. Я обнаружила, что сейчас моя квартира была чище, чем до вечеринки. Полы вымыты, все расставлено по своим местам, мусор убран.

Ни единого следа от того бедлама, что творился здесь ночью. Мало того, на столе в гостиной, в моей самой дорогой вазе красовался, неведь откуда взявшийся, огромный букет алых гладиолусов.

Я поспешила закрыть распахнутые окна, так как было до-

вольно прохладно, зато запах сигарет полностью выветрился.

Расхаживая по своим начищенным владениям, я никак не могла взять в толк, каким образом произошло столь чудесное превращение.

Мне хотелось пить, и я направилась на кухню, где тоже царил идеальный порядок. На холодильнике я обнаружила записку: «Привет от Джулиана, Донни и Эдди!»

И тогда я внезапно вспомнила тот странный поцелуй, и как сильно Эдди сжал мою руку. По телу пробежал неприятный озноб. Славный мальчик Эдди! Мой почти что брат! Я почему-то вдруг разозлилась, скомкала записку и выкинула ее в мусорник.

Холодильник был забит обильными остатками снеди и выпивки. Что мне всегда нравилось в вечеринках, так это то, что после них всегда оставалось много вкусного.

Я смотрела телевизор до трех. В пять минут четвертого позвонил Дэвид. Время, отпущенное мне для принятия окончательного решения по поводу свидания, подошло к концу.

«Хорошо, – апатично сказала я, – в восемь, в «Бонд Кафе».

XXX

Мы сидели в ресторане уже битых два часа, и Дэвид все

продолжал и продолжал рассказывать что-то о женщине, с которой он встречался два года, а потом она ему надоела, и он ее бросил, и она с тех пор питается одними антидепрессантами. Он вещал мне об этом с мальчишеским задором, как будто, доведя женщину до нервного срыва, совершил нечто героическое. Он был несносен. Я кивала головой, как заводная японская игрушка. К счастью, как я и надеялась, еда не лезла мне в горло.

Говорят, что женщины никогда не едят на свиданиях, особенно на первых!

Я не ела вовсе не потому, что мне было не до еды рядом с несносным Дэвидом.

Я не ела не потому, что это свидание было важно для меня, ибо оно мне было вообще не нужно.

И даже не потому, что я боялась снова нарушить данное мной обещание и окончательно превратиться в обжору, хотя это, как раз было наполовину правдой.

Интересно, а если бы мы с Кеану встречались, и он бросил меня, то что бы я чувствовала тогда? Что бы я делала?

Да, я знаю, глупее мысли не придумать, но думать не запретишь.

Стала бы я пить антидепрессанты или жрать шоколад тоннами? Растволстела бы до размеров железнодорожной цистерны или умерла бы от истощения?

А, может быть, перерезала себе вены?

Господи, вот какая-то боль внутри. Нет, это не желудок.

Черт! Да, это же мое сердце замучилось, затрепетало, задергалось как стрекоза, наколотая на булавку. На глаза навернулись слезы от жалости к себе, бедняжке.

Я хотела избавиться от кома в горле, так что судорожно проглотила все вино, что было в бокале.

Меня будто ткнул ножом убийственный вопрос: сколько у меня есть шансов быть брошенной Кеану Ривзом? Один из миллиона? Миллиарда? В космическом значении, это как? Как быть укушенной акулой или пораженной молнией? Нет, пожалуй, как умереть от мощного разряда тока во время сушки волос в тостере, работающем от батарейки! Нет, скорее всего, это – как быть раздавленной одиноким астероидом, размером с яблоко, чудом уцелевшим во всех возможных слоях атмосферы!

Эта любовь – волшебное проклятье. Это потрясающе... мучительное ощущение.

Может, лучше тогда уж сразу перерезать себе вены, чтобы не мучиться больше? Ну, уж, нет! Тогда у Кеану точно не останется никаких шансов заочно помочь мне выздороветь, а потом встретить меня и узнать, какая я потрясающая. Ну уж нет, так не пойдет, чудесный доктор!

– Можно еще вина? – Громко сказала я. Мне вдруг стало весело от мысли о том, что вовсе не я, но сам Кеану может не получить шанса в жизни узнать меня. Это надо было отметить.

– Д-да, ... конечно! – Дэвид глянул на меня с недоумением,

и потянулся за бутылкой. Ну, а что, я не имею права выпить вина в свое удовольствие?

– И десерт. Я буду есть десерт.

– А еще у меня была подружка, – продолжал свой бесконечный приключенческий эпос Дэвид, – она была доченькой очень богатых родителей. Ее папик был актером-неудачником, который, впрочем, к старости сколотил огромное состояние на каких-то махинациях. В общем, хотя актер он был никудышный, зато жулик гениальный. Но, видимо, тщеславие все равно не давало ему покоя, так он снял для своей дочурки видеоклип, в котором за нее танцевала танцовщица, которой потом компьютером присобачили лицо моей подружки, а пела певица. Сама-то подружка моя ни голоса, ни слуха не имела. И танцевать, соответственно, не могла. Но этот видеоклип одно время входил в десятку лучших на каком-то доморощенном кабельном канале. Папику все это удовольствие влетело в копеечку.

– Да, ну. И что?

– И что? Девку как подменили! Раньше она была нормальной девчонкой, ну, ты понимаешь. А как стала звездой, хоть и на пять минут, хоть и только за счет папиных денег, так сразу носом уткнулась прямо в небо. И только и говорила, что о том, какая она умная, красивая и гениальная, что теперь она затмит Кайли Миноуг, и ее пригласит в гости сама английская королева, и вообще, удивительно как это шоу-бизнес существовал раньше без нее. Я ее кинул, конечно. С

ней стало невозможно общаться. И я знаешь, чего не пойму, она действительно верила в то, что она – талантливая и важная птица, хотя всем вокруг было件нятно, что дело только в ее папочке.

– Несчастливая.

– Или она понимала, что дело в ее папочке, но пыталась заставить себя и всех поверить в то, что она чего-то стоит сама по себе?

– Бедняжка.

– Главное, я думаю, оставаться нормальным человеком. Таким как все. Не надо всего этого... Все звезды больные. – И он посмотрел на меня долгим, грустным, многозначительным взглядом.

Была бы я занята всеми этими ежеминутными мыслями о Кеану, если бы на его месте был «нормальный человек», ну хотя бы такой, как Дэвид? Черт его знает! Наверное, нет. Дэвид ведь обычный парень, «нормальный человек», хоть и больной на всю голову, а Кеану... Кеану...

А, кстати, кто он-то на самом деле, мой Кеану? Человек? Микки Маус? Бог? Да! Для меня – Бог! И долой все прочие еретические мысли. О, ужас! У меня начался синдром поклонения знаменитости. Мне пора к врачу! Да нет, просто я уже напилась. Дурацкая вещь эта психика – никогда ничего нельзя сказать наверняка. Интересно, любовь к обычному парню по ощущениям как-то отличается от любви к звезде?

Дэвид: «Я смотрел на нее и, не останавливаясь, продолжал рассказывать ей забавные истории из моей жизни. Она только кивала, а если и отвечала, то всегда невпопад. Ее глаза были где-то далеко, совсем в другом месте. Тогда я плавно перешел на рассказы о работе. Она не прекращала кивать, все так же глядя, непонятно куда. Тогда, ради эксперимента, я принялся пересказывать ей содержание передачи о термитах, которую смотрел за два часа до встречи. Немыслимо! Она все так же кивала. Вот же чертовщина: неужели правда все то, что рассказывала мне о ней Клара, и эта баба просто помешанная! Досадно, ведь она мне нравится».

Принесли десерт. Огромное, просто колоссальное блюдо, доверху заваленное мороженым, бисквитом, шоколадом, вишнями и еще, черт знает чем. Ну что, приступим!

Дэвид: «Нет, пожалуй, она мне больше не нравится. В общем, я люблю, когда у женщины хороший аппетит, и она не корчит из себя анорексичку. Но когда полтонны мороженого съедают вот так, за две минуты десять секунд! Как ее зовут на самом деле? Гаргантюа? Да куда она все время смотрит?»

Очередная ложка застряла у меня в горле: за соседний стол, оживленно болтая, уселись два молодых человека. Один – стройный блондин с пухлыми губами ребенка. Вто-

рой, высоченный красавец с копной жгуче черных волос, как раз ЕГО типа. Четкие брови вразлет, точеный профиль. Мне сделалось не по себе. Они смотрели друг на друга с нежностью, не замечая больше никого вокруг, и брюнет, неожиданно (для меня) накрыл ладонью руку своего спутника. Щеки того зарделись, рот тронула мягкая улыбка.

Проклятье! Я хотела зарыдать в полный голос от зависти! Это же надо! Эти двое разыскали друг друга среди шести миллиардов людей! И сидели теперь, позабыв про меня, утопая во взглядах друг друга. Они были влюблены и счастливы. А я должна была бесконечно и непрерывно мучиться только оттого, что среди всей огромной людской толпы мне непременно понадобилось влюбиться в нечто, совершенно недостижимое. Мне стало до ужаса жаль себя: он никогда, никогда не будет сидеть напротив меня. Никогда не накроет своей ладонью мою руку. Было бы не так больно, если бы на месте тех двоих сидели бы просто опостылевшие друг другу в браке мужчина и женщина.

Последний кусок бисквита был проглочен с особой ожесточенностью. На тебе, проклятая Бочка! К черту все глупости! К черту Кеану! Да чем он заслужил мои страдания? Все эти муки напрасны. Никогда, никого подобного в моей жизни не будет! Я сгнию заживо в этом проклятом городе. Так, хоть пожрать всласть! На! Подавись!

Дэвид: «Я обернулся и увидел милейшую гомосексуаль-

ную парочку неподалеку. Один из парней чертовски напоминал того самого актера, на котором помешалась моя Гаргантуа. Она разглядывала как раз его. Это лишний раз подтверждало слова Клары. Пожалуй, в следующий раз стоит пригласить на свидание Клару? Но, тем не менее, свидание еще не закончено. Я всю неделю носился с этой бабой как с писаной торбой! Должен же я получить какое-то поощрение за свои труды! Да и ей не помешает калории погонять».

– Ну что? – прищурил глаза Дэвид, – попросим счет?

– Пожалуй... – я окинула взглядом опустевшие тарелки на столе. Оставаться здесь далее не было смысла, только одни муки.

Дэвид подозвал официанта и, пока тот не вернулся со счетом, продолжал пронзать меня совершенно недвусмысленным взглядом.

Все было понятно, в его глазах светился только один вопрос: «К тебе домой или ко мне?»

Меня охватила паника.

Первое, что мне захотелось сделать – это под банальным предлогом «припудрить нос», смыться домой. Все равно я больше никогда не увижу этого барана. Но моя врожденная честность не позволяла мне сделать этого. Избавиться от него мне не удастся – он достаточно настырен, чтобы любым способом залезть ко мне в постель. У меня был только один выход – напиться! Напиться и просто ничего не соображать.

Завтра события минувшего дня уже потеряют всякий смысл.

– Мы можем поехать ко мне... – не очень внятно пробормотала я.

Но он все отлично разобрал, судя по тому, как он заметно оживился, и глаза его заблестели.

– Отлично! – Он довольно крикнул и зачем-то огляделся по сторонам.

– Только перед этим... – мое продолжение несколько обескуражило его, – поедем еще выпьем что-нибудь.

Дэвид глядел на меня несколько секунд, словно хотел спросить о чем-то, но ничего не произнес, только согласно кивнул.

Спустя полчаса мы уже допивали бутылку шампанского в каком-то кафе. Мы хохотали и веселились, однако всем своим видом Дэвид показывал, как ему не терпелось уйти поскорее отсюда и заняться кое-чем гораздо более увлекательным. Но как раз этого мне хотелось меньше всего. Я выпила еще полбокала шампанского и вдруг:

– Официант! – Выкрикнул мой рот. – Принесите мне кусок шоколадного торта и мороженое!

Дэвид посмотрел на меня так, будто вместо «принесите мне кусок торта» я крикнула: «Я больна сифилисом и проказой и сейчас буду всех заражать!»

Но он снова ничего не возразил: в конце концов, он платил только за шампанское.

Мы выпили еще бутылку шампанского, и в моей утробе исчезли еще тирамису, мороженое, салат «цезарь», бисквит и пятнадцатипятиэтажный бутерброд с индейкой. Из бара я выходила, шатаюсь, животом вперед. Как сумасшедшая, пьяная беременная.

Дэвид решил сэкономить на такси, и домой мы побрели пешком, благо, я жила совсем близко. За пятнадцать минут пути я успела слегка протрезветь и мысленно нарисовать себе список всего съеденного за этот вечер. По ощущениям, мой желудок походил на пятилитровый аквариум, заполненный шампанским, в котором вместо рыбок плавала еда. Меня вновь охватила паника: я, с огромным животом, который только и ждет, чтобы его опустошили, веду домой едва знакомого мужика!

Этот мужик был мне откровенно противен, и он, мало того, что наблюдал мое обжорство, сейчас увидит мой немислимый живот, так еще и будет пытаться раскладывать меня на кровати в разнообразные позы. Бог мой, да меня же вырвет сразу, как он ткнет меня пальцем!

Надо было что-то предпринять.

По его решительному лицу было ясно, что он не намерен отказываться от своих планов ни при каких обстоятельствах. Я же не могла позволить себе опустошаться в его присутствии. И, в то же время, не опустошаться вовсе я тоже не могла. Необходимо было что-то придумать. Но только, что?!

Уже у самого подъезда, мой, работающий на критических

оборотах мозг, внезапно выдал следующее: я вдруг скорчилась в три погибели, схватилась за живот и протяжно завывала.

Дэвид, не ожидая такого поворота событий, подпрыгнул на месте, а потом, с глупейшим выражением на лице, задал сакраментальный вопрос:

– Что с тобой?

– О! – скулила я побитой собакой. – Я объелась. О, как же мне плохо! Мой живо-о-от! – Сейчас самым лучшим способом выкрутиться для меня была истинная правда.

Дэвид завертелся на месте, не зная, что предпринять.

Сейчас самым лучшим выходом из положения для него было бы просто распрощаться и отправиться восвояси, предоставив мне самой разбираться со своим животом, и спокойно отдыхать.

Но тогда Дэвид не был бы Дэвидом. Он привык всегда получать то, что хотел, и на этот раз не собирался отступать.

Так что о возвращении домой, несолоно хлебавши, не могло быть и речи:

– Вообще-то, милая, я и сам хотел тебе сказать, что кушала ты, мягко говоря, очень много... – удрученно напутствовал меня Дэвид.

– О-о-о! – Еще громче и протяжнее завывала я. Я была готова выть часами напролет, только бы не слышать его.

– Что, тебе так плохо?

– О-о-о! – Заорала я дурным голосом и театрально сползла на корточки, раскачиваясь взад и вперед.

– Я могу тебе помочь? – Наконец, ему хватило ума спросить это.

– Да! – Любая дворняга позавидовала бы моему жалостливому скулению. – Прошу тебя, здесь за углом есть аптека. Она сейчас открыта. Купи мне что-нибудь от желудка. Пожа-а-алуйста-а!

– Ну-у... – замялся Дэвид, почесывая лысоватый затылок. – Я не знаю...

– О-о-о! Как мне плохо! – Продолжала я вопить.

– Ну, ладно. Я сейчас. – Он решительно развернулся и быстрым шагом, почти бегом, отправился туда, где действительно находилась аптека. В моем распоряжении было где-то двадцать минут.

Едва он ушел, как я тут же вскочила на ноги и, сломя голову, кинулась к себе.

XXX

Я только скинула плащ перед тем, как отбросить крышку унитаза.

Но едва я приступила к активным действиям, едва мой желудок начал ощущать долгожданное облегчение, как дверной звонок подло зазвонил.

Я на мгновение зависла над унитазом, страстно надеясь на то, что звонок мне померещился. Но, к моему ужасу, это было не так. Дэвид вернулся намного раньше, чем я ожидала.

Неужели аптека была закрыта?

Я быстро сполоснула рот и руки и пошла открывать. Залежи полупереваренной пищи продолжали рваться прочь из меня, но я удерживала их усилием воли и насильственными глотательными движениями.

Мой ужас перерос в панику, когда на пороге я увидела Дэвида, с упаковкой таблеток в зубах и с бутылкой шампанского и тортом в руках. Его лицо светилось счастьем.

– Ты что, не знала, что у тебя прямо под домом есть круглосуточная лавка, где продается просто все?!!

Как же, не знала я. Это ему не надо было об этом знать!

– О! Ты молодец! – Процедила я.

– Я вот что подумал, – щебетал Дэвид, – сегодня такая особенная ночь! Зачем себе в чем-то отказывать? Сейчас ты примешь таблетку, а потом можно будет насладиться этим замечательным тортом! Обмазывать друг друга кремом! – При этих словах, мой приступ тошноты сделался почти неуправляемым.

Мне пришлось демонстративно отвернуться и приложить все усилия, чтобы подавить его. Я выхватила у него коробку и бутылку и метнулась на кухню. Вслед мне несло:

– На диету ты сможешь сесть завтра. А сегодня устроим пирушку!

Господи, как же мне надоели эти пирушки!

Как же я устала от этой проклятой тошноты! Как я устала

от своей чертовой жизни, в конце концов!

Мне было так плохо, что единственное, о чем я сейчас мечтала, это исчезнуть. Превратиться в картинку на обложке чьего-то журнала. Холодную, блестящую и безжизненную.

Стоило мне подумать об этом, как в кухню вбежал, разыгравшийся не на шутку, Дэвид.

Он потрясал журналом с Кеану на обложке, тем самым, который я украла в библиотеке, и напяливал на себя дешевые черные очки:

– О, я все увидел! У тебя повсюду этот парень! У тебя даже видеодиски только с теми фильмами, где он играет! У тебя не все дома! – ликовал он.

Как вы думаете, что мне оставалось делать? Только молчать и пить. Прямо из горлышка.

– Ну, скажи! – Дэвид не унимался. – Чем, вот чем он лучше меня? Чем он лучше нас всех? Посмотри на меня! Смотри же! – Он поправил свои очки и, подбоченясь, скорчил угрожающую физиономию. Зрелище было куда как жалким.

– На что мне нужно смотреть? – Я устало облокотилась на стол. От шампанского у меня началась отрыжка, которую я давила вместе с тошнотой.

– Смотри, разве я на него не похож? Я Нео! Я Нео! – Он совершил какое-то нелепое па, которое должно было означать прием восточного единоборства. Спасибо, что хоть не попытался зависнуть в воздухе. А потом он бросился ко мне и начал тискать меня своими толстыми и рыхлыми ручища-

ми.

Я задохнулась. Тошнота душила меня. Терпеть уже почти не было сил.

Между тем, Дэвид валил меня прямо на кухонный стол с дикими воплями:

– Представь себе, что я это он! Ты же творческая личность! Вот и напряги свое воображение! И называй меня Нео! Я всемогущий сын Господа! Я буду властвовать миром! Я новый мессия! Я Нео! А ты будешь моей Тринити! – Он начал победоносно сдирать с меня джинсы. Я ляглась, в попытке отползти от него, избавиться от его загибающих ручищ. На пол с громким звоном упала хрустальная подставка для салфеток. Следом шлепнулась коробка с тортом. Дэвид заревел боровом и принялся расстегивать свои штаны, не переставая орать:

– Падай ниц! Ты счастлива, наконец, Карина! Сейчас тобой овладеет не кто иной как сам твой любимый, твой кумир, твой идол! Сам Нео! Нео! – В эту секунду я представила себе, что если я сейчас же что-нибудь не предприму, то не пройдет и мига, как самый мерзкий орган этого свиноподобного, ничтожного слизняка начнет запикиваться в мое тело.

И когда Дэвид, в очередной раз, громовым голосом воскликнул: «Я – Нео!», меня внезапно вырвало. Прямо на стол. Прямо на него. К счастью, журнал валялся на полу, достаточно далеко.

Если бы это не было ужасно, то было бы даже смешно!

Дэвид, извините, новый властитель мира, застыл, как изваяние. Триумфальный крик застрял в его луженой глотке.

Глаза сделались круглыми и глупыми, как у теленка, челюсть отвисла. Он нелепо размахивал руками и мычал, глядя на испачканную рубашку. Ему было слишком противно, чтобы вытереть ее. Он мог только стоять, смотреть и жалобно мычать.

Я оттолкнула его ногой и побежала в туалет. Вы не можете представить, как я была счастлива в тот момент. Моя болезнь, ни с того ни с сего, спасла меня! Самым омерзительным образом, к сожалению, но как говорится, цель оправдала средства.

Я опустошалась нарочито громко. Я хотела, чтобы этот малоприятный тип слышал все в подробностях, чтобы от отвращения у него сводило скулы, и его всего передергивало. Чтобы он убежал отсюда, сверкая пятками, и чтобы ему никогда в жизни не пришло в голову возвращаться сюда!

Из туалета я вышла, как полагается, опухшая, трясущаяся, но улыбка триумфатора, на сей раз, озаряла мое лицо. Дэвид так и продолжал стоять там, где его настигла моя, извините, не переваренная пища.

При виде меня, лицо его сморщилось от отвращения.

Цель достигнута. Он больше не хочет обладать мною, в роли Нео.

– Что это с тобой? – Спросил он, с удивлением отмечая полное отсутствие конфуза на моем лице.

– Такое у меня бывает. – Спокойно ответила я и протянула ему стопку салфеток.

– Ты больная! – Его мокрые губы кривились. – Совсем больная!

– Ну, конечно! – Я решила еще и поиздеваться. – Должно быть, я первая девка, которую затошнило от секса с тобой?

– От секса со мной? От секса? Со мной? – Он кинул в меня грязной салфеткой. – Нет, милая, ошибаешься!

– Почему это? – Я насторожилась. Дэвид заметил, как напряженно сжались мои губы:

– Нет, Карина! Тебя вырвало вовсе не от меня! Тебя вырвало от себя! Тебя вырвало оттого, что ты больная! От того что ты помешана на этом актере, как пятилетняя девчонка! От того что ты одинокая баба, которая и забыла, когда ее в последний раз кто-то хотел! От того что ты обжираться потому, что никому не нужна! Даже той картинке, на которой твой Кеану нарисован, ты не нужна! Ты какое-то животное, а не женщина. Блевануть во время секса... да на такое не всякая шизофреничка способна! Таких экземпляров я еще не встречал!

– Пошел прочь! – Прошипела я. Был бы у меня сейчас капюшон как у кобры, то наверняка раздула бы!

– С огромным удовольствием! Вечно мне какие-то больные бабы попадаются! Может, вы все такие больные? – Он наступил на торт, не заметив его под ногами, и побежал к входной двери.

Я подбирала с пола раздавленный торт, когда с грохотом захлопнулась дверь.

Я понимала, что хотя на восемьдесят процентов из ста, в тираде Дэвида звучало его уязвленное мужское самолюбие, двадцать из них были чистой правдой. В кого меня превращало мое обжорство?

Я подняла журнал и долго глядела в лицо Кеану. Мне было стыдно перед ним за себя. Мне хотелось любоваться его обликом, но сейчас он казался мне отчужденным. Его лицо не говорило со мной, и мне даже показалось, что я не могу поймать его застывшего, холодного взгляда. От этого мне стало одиноко, и я почувствовала себя беззащитной и беспомощной.

Но потом я подумала о том, что пытаюсь оживить фотографию, воображая, что лицо запечатленного на бумаге человека меняет свое выражение в зависимости от ситуации. Я даже хочу поймать на себе взгляд того человека, что запечатлен на бумаге. И хочу, чтобы взгляд портрета менялся, в зависимости от тех эмоций, которые мне были больше всего нужны.

И делаю все это сейчас, сразу после того как вывернула добрый центнер еды из своего желудка, прямо на рубашку партнера по сексу.

Немного поразмыслив, я пришла к выводу, что все это зашло уже слишком далеко!

8.

Тогда я обратилась к врачу. Некому доктору Скотту Харкеру. Я, глотая слезы, на протяжении двадцати минут рассказывала ему о своих проблемах. Он испытующе глядел на меня, а когда я замолчала, начал выкладывать из ящика цветные фигурки разной формы. Он предложил мне разложить их по соответствующим ячейкам, вырезанным в зеленом фанерном ящике. Это было как-то чересчур.

Я готова признать, что у меня с головой непорядок, но все-таки, мое умственное развитие совпадает с моим физическим состоянием.

– Почему, в конце концов, ты решила прийти ко мне?

Потому, ...потому, святой отец, что мне некуда больше пойти. Я бегу не от Кеану Ривза, не от хронического обжорства. Я бегу от себя. Кто еще может вернуть мне надежду, помочь мне повернуться к себе лицом и обрести силу, кроме вас? Кроме Господа...

– *И ты, в самом деле, веришь, что я в силах помочь тебе?*

Так. Стоп. Все понятно. По крайней мере, вы выслушали меня. Этим вы мне уже помогли. Спасибо, я больше вас не задержу.

Я не сдержала горестного вздоха: неужели моя беда настолько глупа и надуманна, что даже священник про себя смеется надо мной?

Да, святой отец, мне не стоило приходить, отнимать у вас время. Простите меня. И спасибо вам за потраченное на меня время. Вы мне уже помогли. Спасибо. Я пойду.

– *Постой, дитя. Ты правильно поступила, что пришла сюда, в храм. Спасение от себя может дать только Господь, если ты открыта, если сама этого хочешь. Если ты действительно готова измениться, Бог поможет тебе. Он уже помог тебе. Послушай, что я тебе скажу. У тебя есть мощное средство, которое излечит тебя. И ты знаешь его имя – это твоя любовь. Ничто на свете не происходит просто так, случайно. На каждого из нас у Господа свои планы, и если он послал тебе эту любовь, так возьми у нее все самое лучшее, что она может тебе дать. Дай этой любви право на существование. Посмотри на нее с другой, с истинной стороны! Ты*

любишь человека, который даже не знает об этом? Это мучает тебя? Но ведь ты сама говорила мне, что с приходом Его в твою жизнь ты начала бороться. Бороться с болезнью, бороться с собой. Пусть же твоя любовь не ранит, но помогает тебе идти вперед. Если какой-то определенный человек даже на расстоянии может сделать тебя чуть-чуть лучше, если он может помочь тебе одолеть твою беду, так дай ему этот шанс, даже если он об этом никогда и не узнает! Творить добро следует в неведении. Ты можешь сделать его счастливее, давая ему шанс сделать счастливее тебя! И хорошо, что он не знает. Именно тогда он творит добро праведно, в неведении от себя самого. Тогда он творит чудо. Если мечта о нем добавит в твою жизнь тепла и доброты, так мечтай о нем! Пари в облаках, пускай эта мечта даст тебе крылья. Любовь – величайшее благо, которым одаривает нас Господь, так будь же ею счастлива!

XXX

Да, любовь – величайшее благо, и мечта действительно может дарить крылья.

И сейчас я в полной мере ощутила это: покидая храм, я не чуяла под собой ног, я словно парила над землей. Впервые за долгие годы спокойствие и блаженство заполнили все мое существо.

Почему я сама об этом не додумалась раньше? Почему в своей безответной любви всегда видела только циничное наказание? Ведь именно любовь безответная может быть возвышенной, не запятнанной пустыми обещаньями, обидными словами, сложными отношениями, бытовыми недостатками и «не тем» поведением. Да, она однобока, она эфемерна, но она вдохновляет! Недаром все подвиги совершались во имя любви физически еще не свершившейся, платонической, и очень часто безответной! Только на этой стадии любовь безусловна и совершенна, а предмет любви божественно идеален и лишен пороков смертных.

Я парила над городом, а надо мной парило улыбающееся мне лицо Кеану.

«Если он может сделать тебя лучше, так дай ему этот шанс. Сделай его счастливей, давая ему возможность сделать счастливее тебя! И пускай он об этом не узнает!» – Эти слова все еще звучали во всем моем существе, они неслись над моим вечерним городом, полутонами переливались в розовых отблесках заходящего солнца. Казалось мне, что моя булимия, вместе со всеми моими страхами, сжимается в маленький черный комок и теряется где-то в недрах моего желудка, чтобы раствориться там, в потоках всепожирающей кислоты, и никогда больше не напомнить мне о себе. И в этом мне поможет никто иной как Кеану.

У Господа на каждого из нас есть свои планы. Не для того ли был мне послан образ этого человека с волшебным име-

нем? Должно быть, именно для того. Это судьба. Что, черт возьми, все мы знаем о судьбе? Можем ли мы вообще прочесть ее знаки, если порой даже не в состоянии верно осмыслить события, с нами происходящие ежедневно и преподающие нам уроки?

Как увлекательно, все-таки жить свою жизнь! Как чудесно жить ее с раскрытыми глазами! Читать ее раскрытую книгу.

У меня впереди был еще целый вечер. Целый вечер новой жизни, которая началась несколько минут назад!

Я вдруг ощутила потребность в людях. Как давно я видела людей? Закрытая в своем мире дизайнерской студии и машины, когда в последний раз я смотрела на лица людей, когда шла среди толпы? Мне надо было немедленно нарушить свою привычную изоляцию, стать одной из миллиона, слиться с уличной суетой и через нее ощутить еще больше свободы!

Поэтому, окинув прощальным взглядом свой автомобиль, я оставила его у церкви, откуда только что вышла. Завтра, скорее всего, мне придется разыскивать его по всем штрафным площадкам дорожной полиции и платить разорительный штраф, но пускай это случится завтра. А сегодня я буду делать что хочу, невзирая на то, во что мне это обойдется. Сейчас я пройду по улицам, затем сяду в забитый вагон метро и поеду домой. Я буду разглядывать незнакомые лица

и держаться за липкий от тысяч прикосновений поручень, чтобы устоять на ногах, а потом совершу редкую прогулку пешком от станции метро до своего дома.

Я остановилась перед витриной очень дорогого магазина женского белья. Новая жизнь достойна того, чтобы отпраздновать ее начало восхитительным комплектом, стоимостью в две трети моей месячной зарплаты, о котором я не могла бы даже мечтать!

Я провела в примерочной полчаса, с наслаждением примеряя все эти воздушные вещи, каждая из которых была создана с мечтой о совершенной женщине, с мыслями о неземной красоте, со стремлением подарить каждой женщине эту неземную красоту, сделать каждую из нас воплощением мечты!

И сейчас, разглядывая свое отражение в зеркале, я в самом деле видела свою красоту, свое совершенство. Я была счастлива. В моих мыслях царил только, сами знаете, кто.

Кеану, Кеану, Кеану!

Сейчас я пройду мимо кондитерской лавки и даже не гляну в ее сторону! Зайду только в магазин французских конфет и куплю одну плитку самого дорогого шоколада. И пропади вся моя зарплата пропадом!

Я спущусь в метро и через несколько минут окажусь дома. Я не включу телевизор. Будут только приглушенный свет и музыка. Пенная ванна.

Я буду примерять роскошное новое белье и есть шоколад. Забавно! Кеану, я обещаю тебе съесть только два, нет, три кусочка, а не три плитки сразу! Я обещаю тебе!

Спасибо тебе за то, что ты есть, Кеану!

Жаль, что ты не поздравил меня завтра. Ведь у меня завтра день рожденья, хотя, по-настоящему, моя жизнь началась сегодня. Только сегодня! Жаль, что ты мне не позволишь. Твой звонок мог бы вознести меня в самый центр рая. Хотя, возможно, я и так уже там.

В вагоне метро не было свободных мест, зато сразу нашелся незанятый уголок, куда я и забилась.

Я всматривалась в лица пассажиров, блаженно улыбаясь самой себе, и пыталась угадать, о чем или о ком каждый из них сейчас думал.

Они были такими разными. Высокими и миниатюрными, хорошо и плохо одетыми, детьми, подростками, зрелыми людьми. Их было много, полный вагон, и каждый из них о чем-то размышлял, строил какие-то планы.

Вон та молоденькая девушка с веснушками на курносом носике, была ли она влюблена в какую-нибудь звезду или в мальчишку с красным мопедом из соседнего дома?

А тот парень, мечтал ли он о Мадонне или нянчил ребенка от бывшей одноклассницы?

Так много людей, так много стремлений, мыслей, судеб. Кто-то из них хмурился, кто-то смущенно улыбался мне в ответ, кто-то делал вид, что смотрел в одну точку, кто-то рас-

крывал книгу или шуршал газетой.

Следом за мной в вагон вошел красивый, чернявый молодой человек и тоже устроился в уголке, рядом со мной. Глаза его были черными, как средиземноморские маслины.

Я почему-то обратила внимание, что он был одет в теплую, очень толстую куртку с капюшоном, застегнутую до самого подбородка. Странно, ведь на улице так тепло, что мне было жарко даже в расстегнутом плаще, накинутом на тонкую блузку. Молодой человек поймал на себе мой блуждающий взгляд и натянуто улыбнулся. Глаза его быстро скользили по лицам людей. Похоже, он нервничал. Пытаясь устроиться поудобнее, он хватался то за поручень под потолком вагона, то за спинку впереди стоящего сиденья, что очень не нравилось благообразной старушке, которая на нем сидела. Молодой человек сухо покашливал. Должно быть, он был простужен, поэтому носил эту самую толстую куртку.

Наконец, двери вагона с громким шипением закрылись, автоматический голос неразборчиво объявил следующую остановку, и вагон, тяжело вздрогнув всем корпусом, пришел в движение. Состав стремительно набирал скорость.

Прошло несколько секунд, когда молодой человек вдруг повернулся ко мне. От его взгляда мне сделалось очень, очень страшно.

Взrug глаза его сверкнули каким-то безумием. Он широко улыбнулся очень красивой белозубой улыбкой и быстро заговорил что-то на незнакомом мне, гортанном языке, очень

громко, так что все взгляды в одно мгновение устремились на него.

Он распахнул куртку. Все его туловище, от груди до пояса, было обмотано какими-то темными штуками.

Твои персонажи, Кеану, имели дело с такими экземплярами в кино. Спасибо тебе за то, что ты у меня есть, и я знаю, что не надо бояться.

Послышался какой-то гром. Прямо перед глазами ослепительно взорвалось солнце.

Мама, что это? Господи, мне страшно!

Кеану.

XXX

Джулиан сидел за своим столом, сгорбившись и уронив голову на правую руку. Левая рука его бессильно повисла между коленей. В пальцах тлела почти докуренная сигарета. Взгляд Джулиана застыл на царапине на столе.

Он ждал, пока придут швеи, секретарши и прочие менеджеры, чтобы обсудить кошмарные события минувшего дня и выразить ему свои соболезнования.

Он только что положил трубку телефона, который всхлипывающим голосом одной из секретарш сообщил ему о том, что вчера вечером, в результате террористического акта в метро, совершенного самоубийцей-подрывником, погибло

около пятидесяти человек, и ранено еще втрое больше.

Среди погибших опознали его ассистентку, Карину Дориан.

«Синьор Руффи, – минуту назад захлебывалась телефонная трубка, – какое несчастье! Я так вам сочувствую!»

Пальцы Джулиана Руффи машинально стряхнули пепел с сигареты на пол.

Взгляд его оставался прикованным к маленькой царапине на идеальной поверхности стола.

Он ждал, когда же хлопнут двери, и пустая студия заполнится вибрациями многих голосов, которые станут беспокоить его пустыми словами, витиеватыми выражениями и фальшивыми интонациями, никому, в сущности, не нужными.

В голове Джулиана вертелась только одна мысль – под его столом, в стеклянной вазе, намокал большой букет алых гладиолусов. Гладиолусов было 29, ровно столько, сколько Карине исполнилось бы сегодня.

«Что же мне теперь делать с этими цветами»...

Автор приносит свои глубочайшие извинения за столь неожиданный и трагичный конец, но таковой оказалась судьба нашей героини, а что мы все знаем о судьбе?

И о чем думает каждый из нас в минуту конца? Ведь он почти никогда не знает о том, что конец уже настал.

А ВОТ ВЫ СЕЙЧАС, О ЧЕМ ДУМАЕТЕ?

Оглавление

Глава 1.....	3
Глава 2.....	21
Глава 3.....	55
Глава 4.....	87
Глава 5.....	113
Глава 6.....	129
Глава 7.....	147
Глава 8.....	165